

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В Г. РОВНО В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ 1941 ГОДА В СВЕТЕ НЕМЕЦКИХ ДОКУМЕНТОВ

В начале ноября 1941 года в Ровно в рамках так называемого «окончательного решения еврейского вопроса» была проведена одна из самых крупных акций по уничтожению еврейского населения. Жертвами этой трехдневной акции пали минимум 15 тысяч, но, скорее всего, 17 тысяч человек. По своим масштабам акция в Ровно уступала только аналогичным акциям в Киеве и Каменец-Подольском. В Киеве, как известно, только 29–30 сентября 1941 года были расстреляны около 34 тысяч евреев¹, а в Каменец-Подольском месяцем ранее – 23 600 евреев за три дня².

Акция в Ровно, как и многие другие «еврейские акции», в том числе в Киеве и Каменец-Подольском, была организована главнокомандующим СС и полиции в тылу группы армий «Юг» (а с сентября 1941 года – также в Рейхскомиссариате Украина) обергруппенфюрером СС Фридрихом Екельном (Friedrich Jeckeln, 1895–1946), который этой акцией завершил свою четырехмесячную деятельность в Украине; в начале ноября 1941 года Екельн, который не нашел общего языка с рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом (Erich Koch, 1896–1986), был переведен на аналогичную должность в Прибалтику. Екельн оставил после себя многие десятки тысяч трупов, в том числе и трупы евреев Ровно³. Уничтожение евреев было и условием появ-

¹ См. подробно: *Круглов А.* Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. – Днепрпетровск: Ткума, 2011. – 147 с.

² См. подробно: *Круглов А.* «Еврейская акция» в Каменец-Подольском в конце августа 1941 г. в свете немецких документов // *Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі.* – 2005. – № 1. – С. 43–48.

³ О деятельности Екельна в Украине см. подробно: *Круглов А.* «Schießt ihn tot»: роль штаба Екельна и подчиненных ему подразделений в истреблении евреев Украины летом и осенью 1941 г. // *Проблеми історії Голокосту.* – 2006. – Вип. 3. – С. 26–65.

ления Коха в городе, объявленном столицей Рейхскомиссариата, – сотрудники Коха открыто заявляли, что с появлением рейхскомиссара следует считаться, что Кох придет в Ровно только в том случае, если в городе будут убиты евреи⁴.

Главную роль в истреблении евреев Ровно сыграл отряд СД, которым с октября 1941 года до февраля 1942 года руководил штурмбаннфюрер СС Герман Линг (Hermann Ling, 1899–1945); в свою очередь, этот отряд был частью оперативной команды 5 (Einsatzkommando 5), которую в то время возглавлял оберштурмбаннфюрер СС Август Мейер (August Meier, 1900–1960). Так как отряд СД был малочисленным (примерно 20 человек) и был не в состоянии самостоятельно уничтожить тысячи людей, то по приказу Екельна для его поддержки в Ровно были переброшены полицейские части из других городов, а именно 315-й полицейский батальон (и. о. командира – гауптман полиции Вальтер Хильшер (Walter Hilscher, 1907–?)), который дислоцировался в Житомире, 1-я рота 69-го полицейского батальона, которая размещалась в Виннице, роты 320-го полицейского батальона (командир – майор полиции Курт Далл (Kurt Dall)) из городов Луцк и Сарны (штаб батальона с 3-й ротой дислоцировались в самом Ровно). Последнему батальону был придан полубатальон полицейских резервистов (так называемая рота «Остланд»), сформированный во Франкфурте-на-Одере летом 1941 года из беженцев и переселенцев из Эстонии и Латвии. Кроме того, в акции участвовали украинская вспомогательная полиция и служащие гебитскомиссариата Ровно (из публикуемых документов видно, что служащие гебитскомиссариата на месте расстрела евреев собирали ценные предметы, принадлежавшие расстрелянным), который возглавлял регингсрат д-р Вернер Беер (Werner Beer, 1909–?). Активное участие в расстрелах приняли и военнослужащие Вермахта – добровольцы из батальона земельных стрелков (Landesschützenbataillon), который охранял лагерь военнопленных в Ровно⁵. Наконец, для решения вспомогательных

⁴ См. статью бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца (Hanns Pilz) «Когда торжествует ужас» в «Tagblatt» (Линц, Австрия), Wochenendbeilage «Zeit und Welt», 20.12.1958 (Bundesarchiv-Aussenstelle Ludwigsburg [далее – Barch B 162]/2876, Bl. 52).

⁵ Bezirksgericht Potsdam, I Bs 15/59 I 251/58, Urteil v. 11.6.1959 gegen Friedrich Bergemann wegen Mord und versuchten Mord // DDR-Justiz und NS-Verbrechen.

задач к акции была привлечена, вероятно, из-за нехватки сил, и штабная рота командующего Вермахтом в Украине (командир роты – майор Ульрих Сципио (Ulrich Scipio, 1891–?))⁶. В общей сложности к проведению акции в той или иной форме было привлечено около 1500 человек.

Подготовка к акции началась в 20-х числа октября, когда по распоряжению Беера еврейским ремесленникам и специалистам, которым не было равноценной замены из числа украинцев или поляков, стали выдавать специальные справки (рабочие удостоверения), призванные защитить их обладателей и их семьи от захвата в ходе предстоящей акции. Выдавали эти удостоверения немецкая биржа труда по просьбам немецких работодателей и юденрат, однако на удостоверении, выданном юденратом, необходимо было поставить немецкую печать на бирже труда. Рабочее удостоверение можно было и купить, заплатив «нужному» человеку в юденрате 5 тысяч рублей. Так поступил, например, некий Кац, который купил такую справку для своей знакомой 15-летней девушки, выдав ее за свою жену. Лейтенант Ганс Пильц из штаба командующего Вермахтом в Украине, у которого эта девушка работала прислугой, подсчитал: за 100 справок можно было положить себе в карман полмиллиона рублей⁷. Варвара Барац так описывала обстановку, в которой происходила выдача рабочих удостоверений:

Sammlung Ostdeutscher Strafurteile wegen Nationalsozialistischer Tötungsverbrechen, Band III, bearbeitet im Seminarium voor Strafrecht en Strafrechtspleging 'Van Name der Universitat Amsterdam von Prof. Dr. C. F. Ruter unter Mitwirkung von L. Hekelaar Gombert un Dr. D. W. de Mildt, Amstedam University Press, K.G. Saur Verlag Munchen, 2003 (Lfd. № 1093a).

⁶ См. показания в качестве свидетеля 16 марта 1959 года следственным органам ФРГ бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца (Barch В 162/2876, Bl. 75). Сам Сципио на допросе в качестве свидетеля 5 января 1960 года следственным органам ФРГ показал, что о расстреле узнал случайно, когда к нему привели 16-летнюю еврейку, у которой во время казни были отстрелены два или три пальца на правой руке. Он велел перевязать еврейку и, чтобы спасти ей жизнь, определил на работу. Об этом он сообщил главе еврейской общины в Ровно Оренштейну, с которым у него были «доверительные отношения»; Оренштейн часто к нему приходил за советом (Barch В 162/2882, Bl. 974).

⁷ См. статью бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца «Когда торжествует ужас» (Barch В 162/2876, Bl. 54).

Утром я поспешила в «юденрат» с тем, чтобы занести [дочери] Мире кое-что поесть. При входе в здание меня поразили крики и брань среди находившихся там евреев, и я не сразу могла понять, что там происходит. Когда Мира вышла ко мне из кабинета Р., она мне шепнула, что тут идет борьба за получение удостоверений, которые будто бы имеют большое значение, и за них люди готовы платить большие деньги. Естественно, прежде всего их получали люди богатые, настоящие же ремесленники доставали их с трудом, отсюда и та нервная обстановка в «юденрате», когда там иногда доходило до драки⁸.

Когда 9 ноября, после акции еврейский совет собрал представителей уцелевших евреев в здании бывшей еврейской гимназии и объявил им, что только работа на немцев может спасти евреев, «тут и обнаружилось, что большинство получивших удостоверение специалистов на самом деле ими не были. Настоящие же специалисты погибли»⁹. Справки выдавались, как правило, на мужа, жену и детей, родителям мужа или жены их не предоставляли. Выдача справок-удостоверений происходила 5 ноября включительно. Когда В. Барац в этот день со своей дочерью пришла к бирже труда за справкой для дочери, она увидела, что

здание было окружено толпой взбудораженных людей. Некоторые в последний момент получали здесь немецкие удостоверения или же немецкую печать на удостоверениях, выданных «юденратом». Другие, несмотря на обещание «юденрата», оставались без этих бумаг и в отчаянии только кричали. Были также и такие, что умудрились тут же на месте получить нужные удостоверения за драгоценности¹⁰.

Эти справки обеспечили временную и хрупкую защиту более 5 тысячам человек. По данным еврейского совета, среди них были 3747 мужчин и женщин, 1182 ребенка до 14 лет и 271 нетрудоспособный¹¹. Все остальные

⁸ *Барац В.* Бегство от судьбы. Воспоминания о геноциде евреев на Украине во время второй мировой войны. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 24.

⁹ Там же. – С. 39.

¹⁰ Там же. – С. 29.

¹¹ *Гон М.* Голокост на Рівненщині. Документи та матеріали. – Дніпропетровськ;

евреи – минимум 15 тысяч человек – подлежали так называемому «переселению», то есть физическому уничтожению.

Первоначально начало акции было намечено на 4 часа утра 2 ноября, но затем срок был перенесен – забыли вырыть массовые могилы. 4 ноября подполковник Зихтинг (Sichting), оберквартирмейстер (начальник административно-хозяйственного отдела) в штабе командующего Вермахтом в Украине¹², выделил необходимый инструмент (кирки и лопаты) для рытья могил, которое было замаскировано под устройство склада боеприпасов¹³. Этими инструментами около 50 военнопленных из лагеря военнопленных в Ровно (шталаг 360, комендант – майор резерва Карл Гербер (Carl Gerber, ?–1962)) несколько дней рыли десять массовых могил в урочище Сосенка в 3 км восточнее города слева от дороги. Во время этой работы пленных охраняли 10 полицейских из роты «Остланд» и 4 полицейских из 320-го полицейского батальона¹⁴. Пленные, работавшие вплоть до утра 6 ноября, вырыли ров размером 100 x 10 x 10 метров, разделенный на несколько частей земляными перемычками шириной 0,5 м каждая, а также еще четыре ямы размерами 5 x 5, 4 x 6, 4 x 5 и 5 x 6 метров¹⁵.

5 ноября за подписью Беера в Ровно были расклеены два объявления на двух языках – немецком и украинском. В одном объявлении евреи, не имевшие рабочих удостоверений, призывались явиться с продуктами на три дня, документами и ценными вещами 6 ноября между 6 и 7 часа-

Запоріжжя, 2004. – С. 40 (ссылка на: Государственный архив Ровенской области, ф. р-22, оп. 1, д. 19, л. 14).

¹² Командующим Вермахтом в Украине тогда был генерал авиации Карл Китцингер (Karl Kitzinger, 1886–1962).

¹³ См. дневниковые записи бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца (Barch B 162/2876, Bl. 61); статью бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца «Когда торжествует ужас» (Barch B 162/2876, Bl. 52–53).

¹⁴ Der Leiter der Zentralstelle im Lande Nordrhein-Westfalen für die Bearbeitung von NS-Massenverbrechen bei der Staatsanwaltschaft Dortmund, 45 Js 7/61, Dortmund, den 23.10.1963, Vfg. (Barch B 162/2927, Bl. 9532).

¹⁵ См. акт судебно-медицинского исследования трупов массовых захоронений в урочище Сосенки 1–15 марта 1944 года. Опубликовано в: *Гон М.* Зазн. праця. – С. 55–56.

ми утра на Костельную площадь для переселения; каждому переселенцу разрешалось взять с собой 16 кг багажа. Другое объявление гласило: «1. В ночь с 5 на 6 ноября всему населению, включая тех лиц, которые имеют пропуска, запрещается после 19 часов выходить на улицу. 2. Кто несмотря на этот запрет выйдет на улицу и будет задержан патрулем, будет подвергнут смертной казни»¹⁶.

О том, что происходило в городе с утра 6 ноября, мы узнаем из свидетельства чудом выжившей Христины Новаковской:

6 ноября вся наша семья – отец, мать, сестра, брат, дядя и тетя – пришли на Костельную площадь на Грабнике. Шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер, было темно, но сквозь бурю и непогоду тысячи людей шли со всех концов города к площади. Никого, кроме евреев, на улицах не было, так как приказом гебитскомиссара в городе было объявлено чрезвычайное положение, причем было запрещено появляться на улице людям нееврейской национальности. Мужчины шли с узлами на плечах – немцы разрешили взять с собой ценные вещи и запас продуктов питания; шли женщины, неся на руках детей, шли старики, здоровые вели под руки больных. К 10 часам утра мы, наконец, добрались до площади. Еще не доходя до площади, люди начали чувствовать что-то недоброе: все прилегающие кварталы были оцеплены эсэсовцами и [местными] полицейскими. Повернуть назад не было возможности – полиция

¹⁶ Цит. по: Varch В 162/2876, Вл. 53. Беер после войны на допросе показал, что эти объявления якобы были изготовлены по распоряжению штурмбаннфюрера СС Линга. Линг зашел к нему за несколько дней до акции и поставил в известность о предстоящей эвакуации евреев. Беер будто бы до последнего момента верил в то, что евреи будут только эвакуированы в другое место (Varch В 162/2927, Вл. 9612). В заявлении на имя прокурора Хёнища из Центрального бюро земельных управлений юстиции по раскрытию национал-социалистских преступлений в Людвигсбурге, составленном 20 октября 1959 года, Беер также утверждал, что из-за его негативных высказываний в отношении «еврейской акции» против него якобы даже было возбуждено дисциплинарное дело и что в 1942–1943 гг. он помог бежать из города нескольким евреям (Гуц, Каллер, Шекер и другие), выдав им соответствующие документы; он будто бы также спасал украинцев и поляков (профессор Ищук, профессор д-р Савюк, нотариус Валиновский и другие), которым грозил арест (Varch В 162/2881, Вл. 801–802).

не разрешала, да и люди шли такой плотной массой, что не было места даже повернуться, не только пойти против течения. Шедшие сзади и не видевшие полицейских напирала в каком-то безумии. Наконец часов в 12 – в начале первого площадь была забита людьми до отказа. На пригорок поднялся немец и объявил через рупор собравшимся, что все принесенные с собой вещи – узлы, пакеты, чемоданы, свертки и проч. – следует оставить здесь на площади, сложив их в кучу. Через полчаса выросли несколько бугров из вещей. После этого нас повели по двум дорогам в село Сосенки, что в 2-3 километрах от города. Теперь уже нас конвоировала тройная цепь [местных] полицейских и эсэсовцев. О бегстве не могло быть и речи. Подходя к Сосенкам, мы поняли, что пришли на смерть. Моим глазам представилась кошмарная картина, от которой даже теперь, когда угроза смерти давно миновала, кровь стынет в жилах. Ров был длиной метров в 100. Через ров перекинута бревна. На бревнах, выстроившись в затылок, стоят человек 10-20. Длинная очередь из автомата – и люди, как скошенные колосья, падают в ямы. Неподалеку от рва было еще несколько ям. Всех заставляли раздеваться донага и подходить к яме – мужчины и женщины по отдельности. Каждый [палач] практиковал свой способ убийства: одних выстраивали вдоль ямы лицом к яме, и немец поочередно стрелял каждому в затылок, других ставили перед ямой на колени, третьих заставляли бежать к яме и, когда человек приближался к яме, в него стреляли, и т. д. Одних маленьких детей бросали в ямы живьем, других подбрасывали вверх и стреляли на лету. Все это сопровождалось предсмертными стонами и криками умирающих и хохотом палачей. Если кто-нибудь из обреченных пытался бежать в сторону, его пристреливали. Поработав таким образом час-два, немец подходил к столику, выпивал рюмку водки, закусывал бутербродом с колбасой и снова продолжал свою гнусную работу¹⁷.

Другой очевидец массовых убийств, Хаим Лернер, в своих показаниях также говорит о том, что евреи должны были идти «по коло-

¹⁷ ГАРФ, ф. 7021, оп. 71, д. 40, лл. 47–50. Опубликовано в: Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сборник документов и материалов / Ред. И. Арад. – Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, 1991. – С. 151–152.

дам», перекинутым через ров, и их при этом расстреливали «из пулемета»; убегавших евреев немцы будто бы забрасывали гранатами¹⁸. Соломон Зусман говорит о расстрелах жертв шеренгами над рвами «из пулеметов и автоматов»¹⁹. 7 ноября на место расстрела в числе других евреев была пригнана 26-летняя Батя (Бася) Залуская. По ее словам, местом расстрела была долина, в которой находились четыре огромных ямы размером 15 x 15 метров каждая; это означает, что к 7 ноября 100-метровый ров был уже заполнен трупами. На прилегающих к долине возвышенностях стояли грузовики с пулеметами, между грузовиками находились немцы, «которые одновременно с теми, которые стояли на грузовиках, стреляли по жертвам, стоявшим рядом с ямами».

В определенный момент я заметила, как несколько участников казней бросили свое оружие и побежали в направлении ям. Я услышала, что Бер²⁰ [«начальник гестапо»], находясь в возбужденном состоянии, стал кричать им вслед что-то вроде: «Что случилось, друзья евреев, приказ есть приказ». Когда эти крики явно не возымели свое действие и несколько бежавших, как безумные, спрыгнули в яму, Бер начал стрелять по ним из своего пулемета. Погибли несколько немцев²¹. Этот инцидент не остановил казни, и жертвы по-прежнему гнали к ямам...

С места расстрела Басю забрал подчиненный майора Сципио, у которого она работала уборщицей, Густав Крюгер (Gustav Krüger). Благодаря Крюгеру Бася и ее дочь (и не только они, Крюгер помогал и другим евреям) смогли пережить войну²².

¹⁸ Цит. по: *Гон М.* Зазн. праця. – С. 51–52.

¹⁹ Там само. – С. 53.

²⁰ «Начальника гестапо» в Ровно с такой или подобной фамилией не существовало. Может быть, речь идет о гебитскомиссаре Беере.

²¹ Это событие также представляется неправдоподобным. Ни в одном из немецких документов оно не отражено ни прямо, ни косвенно.

²² Свидетельство Бати (Баси) Залуской, проживающей в Хайфе (Израиль), от 11 октября 1962 г. (Varch В 162/2921, Вл. 8620–8622). После войны Бася приняла поиски своего спасителя (ей было известно, что он из Берлина),

Не остался безучастным к судьбе евреев и начальник отдела *Is* (разведывательный отдел) в штабе командующего Вермахтом в Украине (штаб генерала Карла Китцингера) майор резерва д-р Вальтер Декерт (Walter Deckert). Еще 2 ноября он передал личное письмо своему старому товарищу по военной службе, а теперь непосредственному начальнику подполковнику Гансу Гайсу (Hans Gais), который в штабе Китцингера возглавлял оперативный отдел. В письме Декерт выражал резко негативное отношение к убийствам евреев в Украине. 3 ноября он подал начальнику штаба генерала Китцингера генерал-майору Эрнсту фон Краузе (Ernst von Krause) официальную просьбу о переводе, поскольку не может мириться с тем, что происходит на Востоке, однако эта просьба была отклонена. Утром 7 ноября к Декерту неожиданно явилась одна еврейка, которая раньше работала в его отделе уборщицей. Она рассказала, что также попала на место расстрела, но пули в нее не попали, она сама упала в ров и прикинулась мертвой. Целый день она пролежала между трупами, а ночью выбралась из рва и смогла добраться до города. Она не знает, что ей дальше делать, и просит о помощи. Декерт посоветовал ей пробираться на север в район Припятских болот, где находятся партизаны. Целый день он скрывал ее в подвале здания штаба, а ночью один фельдфебель, который также был посвящен в это дело, незаметно вывел ее из здания штаба и помог покинуть город²³.

Помогали евреям украинцы и поляки, хотя среди нееврейского населения города немало было таких, которые стремились нажиться на трагедии евреев. В. Барац вспоминала:

Некоторые украинцы и поляки приходили к знакомым евреям, предлагали укрытие у себя. Евреи хватались за эту возможность спастись, переносили к этим «благодетелям» самые ценные вещи, и те, убедившись, что в их руках уже все добро, выдавали

но смогла лишь установить, что Густав Крюгер умер в Берлине 22 августа 1957 г. Звание «Праведник народов мира» Крюгер не получил.

²³ Barch В 162/2877, Bl. 182–188. 75-летний Эрнст фон Краузе во время допроса в качестве свидетеля 17 ноября 1959 г. следственными органами ФРГ заявил, что он не сомневается в том, что все происходило так, как описал Декерт, однако он уже не помнит этот случай (просьбу о переводе) (Barch В 162/2881, Bl. 855).

евреев убийцам. Вот так подлые люди облегчали немцам выполнение их плана по истреблению евреев, а сами разживались за счет погибших²⁴.

К ответственности за массовые убийства евреев Ровно в начале ноября 1941 г. фактически никто привлечен не был. В СССР на судебном процессе в Киеве 17–28 января 1946 г. военный трибунал Киевского военного округа приговорил к каторжным работам сроком на 15 лет одного человека, причастного к этим убийствам, – бывшего вахмистра роты «Остланд» Бориса Драхенфельс-Кальювери, который принимал участие в акции в качестве постового в оцеплении²⁵. В ФРГ к суду не был привлечен вообще ни один человек, хотя были выявлены десятки подозреваемых в этих убийствах – их дела были закрыты по разным причинам в основном еще на этапе предварительного следствия. В бывшей ГДР к смертной казни в 1959 г. был приговорен бывший охранник лагеря военнопленных в Ровно Фридрих Бергеман, который добровольно вызвался участвовать в расстрелах евреев.

Нижеприведенные документы, которые публикуются впервые, в своей совокупности создают более или менее полную и целостную картину того, что происходило в Ровно в начале ноября 1941 г., раскрывают механизм массовых убийств, а также степень и меру участия в этих убийствах различных немецких органов и подразделений. Они позволяют увидеть происходившее с противоположной стороны – немецкой, со стороны тех, кто этим расстрелам содействовал и их совершал, в то время как до сих пор о происходившем в Ровно в начале ноября 1941 г. нам известно только то, что зафиксировано в советских документах, а именно в соответствующих актах ЧГК и свидетельствах чудом выживших евреев и очевидцев из числа неевреев²⁶. В немецких свидетельствах содержится ряд деталей и подробностей, которые дополняют и уточняют советские документы. Вместе с тем, следует иметь в виду, что показания ряда немецких участников событий не всегда являются

²⁴ *Барац В.* Указ. соч. – С. 36.

²⁵ Київський процес. Документи та матеріали / Упорядкування Леоніда Абраменка. – К.: Либідь, 1995. – С. 52, 201.

²⁶ Эти акты и свидетельства содержатся в ГАРФ (ф. 7021, оп. 71, дд. 1, 40), а также в Государственном архиве Ровенской области (ДАРО, ф. Р-534, оп. 1, д. 3).

искренними. Это особенно касается показаний бывших членов отряда СД в Ровно, который, как подчеркивается в *Ereignismeldung UdSSR* № 143 от 8 декабря 1941 г., «принял активное участие»²⁷ в убийствах. В то же время выявленные и допрошенные в ФРГ бывшие члены этого отряда категорически отрицали свою причастность к убийствам и выдавали себя в лучшем случае только за пассивных наблюдателей (см., например, показания Карла Вебера, Юлиуса Тинеля, Ганса Нендзы).

Среди публикуемых документов значительную часть составляют показания бывших полицейских из 315-го, 320-го полицейских батальонов и роты «Остланд». Показания эти снимались в разных условиях и при разных обстоятельствах, в связи с чем следует разделять, на наш взгляд, те показания, которые были даны советским следственным органам вскоре после окончания войны, и показания немецким следственным органам в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Это разделение связано с разным статусом бывших полицейских в тот период, когда они подвергались допросам. Нам представляется, что показания первых являются более правдивыми, так как допрашиваемые полицейские (Райнхольд Шмидтке, Гельмут Либе и другие) находились в статусе военнопленных и испытывали определенный страх перед советскими органами безопасности, который усиливался постоянными предупреждениями о строгой ответственности за неправдивые показания. Вторые же находились в статусе свидетелей, чувствовали себя свободно и в своих правах ограничены не были. Это позволяло им, не опасаясь за свое будущее, особо не откровенничать.

Отдельно следует выделить показания Ганса Пильца. Пильц в 1941–1944 гг. в звании сначала лейтенанта, а потом капитана служил в штабе командующего Вермахтом в Украине, который с сентября 1941 г. находился в Ровно. В этом штабе Пильц, журналист до войны, был главным редактором солдатской газеты. В силу своей журналистской профессии Пильц живо интересовался всем происходившим в городе, отражал увиденное в дневнике, а после войны на основе дневника написал большую статью о пережитом в Ровно (опубликована в австрийской газете *Tagblatt* в 1958 г.), а также дал подробные показания следственным органам ФРГ о преступлениях немцев в городе. Пильц

²⁷ *Ereignismeldung UdSSR* № 143 от 8 декабря 1941 г., в: Barch B 162/442, Bl. 258.

был человеком широко осведомленным, имел возможность общаться со многими людьми, в том числе и с членами расстрельных команд, что делает его свидетельства и показания особенно ценными.

Из документов периода войны публикуются два документа, а именно выдержка из соответствующей сводки («Донесение о событиях в СССР» № 143 от 8 декабря 1941 г.) шефа полиции безопасности и СД о деятельности групп и команд СД в операции «Барбаросса», а также докладная записка зондерфюрера Э. Кумминга от 9 декабря 1941 г. в отдел «Иностранные армии Востока» Главного командования сухопутных сил. В первом документе расстрел 15 тысяч человек упоминается только двумя предложениями, что говорит о том, что к этому времени уничтожение евреев превратилось для нацистов в заурядное событие, рутинную «работу», вряд ли достойную упоминания. Во втором документе содержится информация (неточная относительно даты) о расстрелах в Ровно, которую Кумминг почерпнул из разговоров с немецкими офицерами и чиновниками.

Публикуемые документы (кроме документа № 1) впервые вводятся в научный оборот и представляют собой авторские переводы с немецких оригиналов на русский язык. Имеющиеся в документах купюры (обозначаются [...]) касаются только несущественных фрагментов текста. Документы сгруппированы не в хронологическом порядке, а по принципу принадлежности к определенному подразделению или ведомству. Так, девять документов касаются участия в акции бывших членов 320-го полицейского батальона, по три – штаба командующего Вермахтом в Украине (Пильц), роты «Остланд» и отряда СД, два – 315-го полицейского батальона, по одному – биржи труда в Ровно, команды охранной полиции в Ровно и батальона охраны лагеря военнопленных в Ровно.

* * *

Документ № 1**«Донесение о событиях в СССР»
№ 143 от 8 декабря 1941 г.**

[...] 6 и 7 ноября 1941 г. в Ровно была проведена уже давно запланированная еврейская акция, в ходе которой были расстреляны округленно 15 000 евреев. По приказу высшего фюрера СС и полиции организация находилась в руках полиции порядка. Внешняя команда оперативной команды 5 в Ровно приняла активное участие в осуществлении [...].

Barch B 162/442, Bl. 258.

* * *

Документ № 2**Из донесения от 9 декабря 1941 г. зондерфюрера
Э. Кумминга в отдел «иностранные армии Востока (Ше)»
Главного командования сухопутных сил**

[...] Подобная казнь состоялась 29 октября в Ровно¹. Солдатам было запрещено после 19.00 выходить на улицу. В окрестностях были расстреляны примерно 17 000 евреев (включая женщин, детей и младенцев). Перед расстрелом их всех заставили раздеться; женщинам разрешили остаться в трусах. Согласно тому, что было рассказано в офицерском клубе офлага² XIа, отобранные для расстрела должны были по трое ложиться лицом к земле друг на друга в форме звезды, после чего их расстреливали из автоматов. После казни края ямы были взорваны, так что яма была засыпана обвалившейся землей. Гебитскомиссар Владимира Вестерхейде³ подтвердил эту казнь в ходе беседы (9 декабря во время открытия нового офицерского казино во Владимире) между ним и капитаном Мессманом

(Gen.d.Art. b. Ob.d.H.). Подписавшийся сидел на том же конце стола и мог следить за беседой. Гебитскомиссар Вестерхейде критиковал убийство за его плохое исполнение, так как земля только на метр возвышалась над казненными и так как собаки на следующий день вытаскивали казненных. Он также сказал, что евреи во Владимире (примерно 17 000) были бы уже ликвидированы, если бы не были такими тяжелыми почвенные условия. «Вы даже не представляете, сколько земли должно быть снято». [...]

*Sonderführer (B) E. Kumming, an Abt. Frd. Heere Ost (II c),
vom 9.12.41, in: United States National Archives and Record Administration,
Record Group RG-242, microcopy T 1021, roll 18.*

¹ В первой части своего донесения Кумминг пишет о расстрелах евреев в Киеве (по разным оценкам – 42–45 тыс. жертв), в других частях – об обращении с военнопленными в лагере военнопленных во Владимир-Волынском.

² Офлаг (Offizierslager) – лагерь для пленных офицеров.

³ Вильгельм Вестерхейде был гебитскомиссаром во Владимир-Волынском. В 1982 г. он был оправдан судом присяжных в Дортмунде, обвинялся в причастности к ликвидации гетто во Владимир-Волынском в начале сентября 1942 г.

* * *

Документ № 3

Из заявления под присягой 5 сентября 1945 г. в Регенсбурге американским следственным органам бывшего члена команды охранной полиции в Ровно Карла Айгнера

[...] Я хотел бы еще упомянуть, что я слышал, что первая акция состоялась 7 и 8 ноября 1941 г., когда в лесу в 5 км от Ровно было убито приблизительно 17 000 евреев. Весной 1942 г. мне было приказано с 40 русскими пленными и 10 украинскими полицейскими засыпать в лесу ямы, в которых были захоронены евреи [...].

Barch B 162/2887, Bl. 1786.

* * *

Документ № 4

Из дневниковых записей сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца

[...]

28 октября [1941 г.]:

Подготовка к выселению евреев из Ровно.

1 ноября:

Выселение евреев назначено на 2 ноября 4 часа; отложено.

4 ноября:

Оберквартирмейстер предоставляет инструмент, военнопленные роют могилу глубиной 4 метра.

5 ноября:

В первой половине дня вывешены плакаты. Крестный ход евреев за удостоверениями специалистов. В 17 часов уходит служанка. В 17.15 уходит еврейка Фроль. Поспешная ходьба по улицам, пожитки. Испуганный пчелиный рой. Круговое движение в штабе, запрет выходить ночью. Во второй половине дня желтые настенные объявления «В ночь с 5 на 6 ноября...».

Биржа труда гебитскомиссара д-ра Беера. 5000 исключены как специалисты и пр., 15 000 подлежат выселению.

6 ноября:

К вящей славе Божьей! В 4.45 подъем, бритье, умывание. На дворе ветер, снег с дождем. В 5.45 первые группы и колонны евреев со всеми пожитками и воящими детьми двигаются по ул. Червоноармейской (улица СС) на сборный пункт. В 6.15 с Карли и водителем Шустером по улице Словацкого и улице Адольфа Гитлера – улице Пушкина в здание штаба и назад. Исход евреев. Отдельные фото. В 7.15 завтрак дома,

в 7.45 завтрак в казино. Облавную охоту генерал отменил из-за погоды. Прибытие 96-го полиц. батальона¹, усиленного 320-м полиц. батальоном. 8.30 бюро. По улицам в еврейском квартале идут больные и старики. 10 час. штабное здание. 12.35 казино.

Во второй половине дня подводы со старыми евреями и еврейками, прочесывание полицией. Мокрый снег весь день.

Выселение евреев из Ровно («Поездка в Палестину – посещение Р.[овно] А.[дольфом]Г.[итлером]» – Депортация в Россию).

Роша Буданская (с родителями Хава и Шома) ул. Шевченко 95, Эча Фаня Фроль, ул. Легионов 66, расстреляны. Никакой прислуги. Ида Слепая², ул. Левинзона 12, спаслась с помощью уловки (как жена Каца, художник).

7 ноября:

Ровно в мокром тяжелом первом снегу. 7 час. подъем. Сапоги почистил сам. 8.00 казино. Фотографирование еврейского квартала, Адольф-Гитлер-штрассе. В первой половине дня бюро. 13 час. казино, 15 час. представление обоих польских посыльных. Во второй половине дня бюро. 18.45 казино.

8 ноября:

Ночью сильная буря, утром сухо, несколько прояснилось. 7 час. подъем. Польки первый раз на работе. 8.30 бюро. План готов к подписи. 11 час. у меня электрик Рапапорт (лампа). Угон скота. Подводы с пожитками выселенных [евреев]. Хмурое небо. 13.30 казино, 15 час. со Штрауссом в направлении Халесина³ на место казни евреев. 45 минут пешком. Лес слева на горизонте. Беседа с постовыми (СД, штандарт СС «Остланд»⁴), трупы на косогоре. 17.05 появление феноменального снежного шквала с запада, внезапное потемнение. Убежище в доме с указателем на дороге, пешком домой. 18.00 дома. Казино. До 24 час. на ногах. Польские девушки первый раз на службе.

9 ноября:

Подъем в 7.45. Хмурое небо, может быть снегопад. 10.45 на площади с караульным батальоном, штабной ротой и полицейским

батальоном, встроены по случаю Дня памяти героев⁵ с музыкой. Вокруг развалины. Четырехугольником. Музыка. Речь генерала: мы должны оставаться твердыми. 12.30 казино. Во второй половине дня спал дома, читал, почты не было.

13 ноября:

Морозная погода. Колонна подвод с одеждой (сильно замерзшей) выселенных евреев.

14 ноября:

8.30 военная география. Утро: из Восточной Пруссии прибывает спецпоезд рейхскомиссара. 19 час. товарищеская вечеринка отдела пропаганды «Украина»⁶ (с Декертом, Хофмейстером, Глатцмейером, Домбровски), до 1 часа [ночи]...

16 ноября (воскресенье):

Прекрасное ясное утро (еще мороз). Подъем в 7.30. Во второй половине дня со Штрауссом на место казни.

22 ноября:

Спецпоезд Коха убыл.

28 ноября:

12 час. здание штаба, в помещении фототеки еще находятся на хранении ящики с драгоценностями выселенных евреев.

30 ноября:

11.44 транспорт с золотом убыл в Берлин.

4 декабря:

15.30 до 17 час. вещевая камера (штабсцальмейстер Грюндлер), ночная работа евреев в мастерской. Евреи уже в их гетто.

Barch B 162/2876, Bl. 61–63.

- ¹ Вероятно, речь идет все же о 69-м полицейском батальоне. Осенью 1941 г. штаб 69-го полицейского батальона с 1-й ротой дислоцировались в Виннице (Klemp S. “Nicht ermittelt”. Polizeibataillone und Nachkriegsjustiz. Ein Handbuch. – Essen, 2005).
- ² В оригинале – Ides Slepój.
- ³ Так в документе, название явно искажено.
- ⁴ Правильно – рота полицейских резервистов «Остланд».
- ⁵ Имеются в виду «герои» нацистского путча в Мюнхене 9 ноября 1923 г.; в нацистской Германии это был официальный праздник.
- ⁶ Имеется в виду отдел пропаганды в штабе командующего Вермахтом в Украине.

* * *

Документ № 5

Из показаний в качестве свидетеля 16 марта 1959 г. следственным органам ФРГ Ганса Пильца

[...] Как журналист я всегда всем интересовался. Меня интересовали также эти вещи, и в первый день, 6 ноября, я пошел на место расстрелов. Я был один и хотел пофотографировать. Место расстрела находилось в небольшом лесочке на склоне, снимки этого места я отдаю в дело. В окружности, которая была удалена от могил примерно на 100-120 шагов, местность была оцеплена членами украинской милиции. Была там и немецкая полиция. Я не прошел через цепь постовых. Из-за оцепления я, естественно, даже и не пытался делать снимки. Но я лично видел, как евреев группами в 20 или 30 человек отводили на край выкопанной ямы. Некоторые сопротивлялись, их подгоняли ударами палок или пинками. Некоторых силой сбивали на землю. Стоящих на коленях или сидящих на корточках перед могилами евреев, часть которых громко плакали и кричали, но отчасти были очень спокойными, расстреливали из пистолетов. Меня особенно потрясло то, что среди жертв было очень много маленьких детей вплоть до младенцев, которых члены «могильного батальона», как мы называли подразделение СС, хватали, высоко поднимали и затем расстреливали. Я видел, как детские головки выстрелом буквально разрывало на

части. На все это должны были смотреть евреи, которые должны были быть расстреляны вслед за ними. Стояли ужасный крик, плач и мольба. Особенно громко кричали и плакали маленькие дети. Позднее члены расстрельной команды рассказали нам подробности своей деятельности. Я вспоминаю, что они рассказывали, что мужчины были не такими мужественными, как женщины. Многие женщины спокойно подходили к могилам и наклоняли голову, так что эсэсовцам оставалось только спустить курок. Среди мужчин, напротив, было много воплей, они упирались, так как что их нужно было силой тащить к яме. Насколько я помню, дети были отделены от их родителей. На фланге расстрельной команды, которую я видел, стоял один эсэовец, который расстреливал только детей, которых к нему подгоняли. Когда я наблюдал казни, расстрелы производились перед двумя могилами. За ними были еще две могилы. Я уже не знаю, были ли эти могилы заполнены или был ли там сделан только перерыв, я уже точно сказать не могу. Я наблюдал за всем происходившим у первой ямы, которая была ближе ко мне. Там «работали» 10-12 стрелков. Это было для меня настолько ужасным, что я недолго смотрел и вскоре ушел.

Позднее я говорил с членами расстрельной команды и спрашивал их, как они смогли в течение двух дней постоянно расстреливать евреев. Я еще знаю, что один из них ответил: «Мы бы покончили с этим значительно раньше, если бы мы могли стрелять дальше из автоматов, но тогда бы свиньи получали очереди и падали в яму и потом вновь выползали, поэтому мы должны были приканчивать их поодиночке из пистолета».

Я упомянул «могильный батальон». Мы называли это подразделение так потому, что на их автомашинах имелась эмблема, которая была похожа на надгробный камень. Насколько я помню, в этой команде было максимум 100 человек. Так точно это я могу сказать потому, что я тогда видел некоторое количество машин. На этих машинах можно было везти максимум столько эсэовцев. К ним добавляются члены 96-го¹ и 320-го полицейских батальонов. В общей сложности в этой акции были задействованы примерно 300-400 эсэовцев и полицейских, а также, возможно, полевые жандармы. В местах расстрелов производили расстрел максимум 50-60 эсэовцев и полицейских.

Остальные были назначены для оцепления мест расстрелов и в городе, а также для доставки евреев. Я еще вспоминаю, что этот могильный батальон, который в действительности был оперативной командой (это я узнал от членов этой команды, точное обозначение этой команды я уже не помню) находился в Ровно только несколько дней. Уже 9 ноября 1941 г., в день памяти героев, оперативной команды и относящихся к ней полицейских подразделений в Ровно уже не было. На упомянутом мною параде этих подразделений уже не было. Как я слышал, эти подразделения будто бы выехали в направлении Винницы и Житомира².

С членами оперативной команды и полицейских подразделений я вступил в контакт следующим образом. Во время их пребывания в Ровно члены этих подразделений пришли в мое ведомство и взяли там самые свежие газеты и журналы. От офицера отдела Іс³ мы имели задание полностью обеспечить этих людей газетами и журналами. Я не могу сказать, были ли эти люди офицерами, так как во время своего пребывания они носили маскировочные плащ-палатки. Они скрывали знаки различия. Я также не могу уже назвать какие-либо имена членов этого подразделения. Свои имена эти люди мне или вообще не говорили или так невнятно произносили, что я не мог их понять. Один человек (он должен был быть офицером) приходил дважды, и я вспоминаю, что у него была фамилия Канцакис или что-то вроде этого. Я также не могу вспомнить офицеров полицейского батальона. Оперативная команда и члены полицейских подразделений тогда отдельно размещались в нескольких домах на одной улице. Благодаря моему личному вышеописанному общению с членами этих подразделений я тогда также узнал, что речь идет о полицейских 96-го и 320-го полицейских батальонов. Эти номера я и занес в мой дневник [...].

Во время расстрелов, которые я видел, на евреях были их костюмы и одежда, пальто они должны были снимать. Как мы слышали, на третий день мужчины должны были снимать свои куртки и жилеты, а женщины – верхнюю одежду, кроме рубашки. Одежду и багаж евреев еще целыми днями после расстрелов вывозили на подводах с места расстрелов. Вещи были складированы в Ровно. Склад подчинялся гражданской администрации. Члены гражданской администрации нам рассказывали, что рейхскомиссар Кох распорядился о создании

большой коллекции прядильного сырья, и вещи из склада должны были составить основу этой коллекции.

Я не знаю, забирали ли люди из оперативной команды у евреев украшения, часы и прочие ценные предметы до или после расстрела. Но нам было известно, что у членов этой команды карманы были набиты ценностями. Мне также известно, что часы и украшения были сданы гебитскомиссару д-ру Бееру и там лежали на больших столах. Как рассказывали, д-р Беер будто бы также членам нашего штаба заявил, что кто хочет, может что-нибудь взять. Однажды украшения были сложены в ящики и депонированы у меня в отделе в служебном здании, так как я имел довольно большое помещение. Так можно объяснить мою дневниковую запись за 28 ноября 1941 г. Спустя два дня эти ящики были отправлены в Берлин. Этот транспорт сопровождал наш инспектор военной администрации⁴ Баулер из Вены. Баулер, пожалуй, еще находится в Вене.

После расстрелов я с моим другом Штрауссом 16 ноября был на месте казни и в прекрасную солнечную погоду фотографировал украинцев, которые в поисках ценностей рылись в земле. Воздействие расстрелов на украинцев было разным. Многие ужаснулись, но был и целый ряд равнодушных. Украинцы целыми днями после расстрелов палками и другими орудиями рыли землю, чтобы выкопать ценности [...].

Относительно первой казни евреев в начале ноября 1941 г. я хотел бы добавить, что когда я со Штрауссом пришел на место казни, я увидел минимум 1000 трупов, которые валялись вокруг, так как не поместились в яме. Это было ужасное зрелище. Я еще затем узнал, что эти трупы были присыпаны известью и заброшены землей. Мне также стало известно, что различные евреи, которые во время расстрела не были убиты, будучи тяжелоранеными, пытались поползти. Были организованы поиски и добивание таких евреев. Это было произведено непосредственно после большой казни. Я припоминаю, что об этом говорили члены оперативной команды. Упомянутая мною торнадоподобная метель, которая застигла нас тогда на месте казни, была для меня в моем тогдашнем смятении чувств неким Божьим знаком. Я не верю в чудеса, но тот мрак,

который тогда опустился на землю, для моего тогдашнего настроения имел решающее значение [...].

Barch B 162/2876, Bl. 65–69, 71–72.

¹ Вероятно, речь все же идет о 69-м полицейском батальоне.

² Осенью 1941 года в Виннице дислоцировался штаб 69-го полицейского батальона с 1-й ротой, а в Житомире – 315-й полицейский батальон.

³ Ис – разведывательный отдел в штабах немецкой армии.

⁴ В оригинале – Kriegsverwaltungsinspektor.

* * *

Документ № 6

Из показаний в качестве свидетеля 30 августа 1963 г. следственным органам ФРГ бывшего сотрудника штаба командующего Вермахтом в Украине Ганса Пильца

[...] Я точно помню, что 5 ноября 1941 года в Ровно лично вел переговоры с гебитскомиссаром д-ром Беером относительно освобождения еврейских рабочих. Возможность посетить тогда другого служащего гражданской администрации в Ровно, например, руководителя биржи труда Линделоффа или заместителя д-ра Беера начальника его штаба Карла Бека, я полностью исключал. Я познакомился с д-ром Беером не в связи с этими переговорами, а значительно раньше. Однако с д-ром Беером я лично не общался, а знал его только визуально. Д-ра Беера, который всегда носил свою партийную форму, я видел по разным поводам, и поэтому исключено, что я его мог с кем-то спутать.

5 ноября 1941 года рано утром у меня на квартире появился служивший в качестве зондерфюрера в штабе командующего Вермахтом в Украине д-р технических наук Роман Краусс с предложением пойти вместе к гебитскомиссару д-ру Бееру, чтобы просить освободить работавший в офицерских квартирах еврейский персонал. Так как д-р Краусс и я считали, что мое присутствие на переговорах может быть перспективным, я заявил о готовности сопровождать д-ра Краусса к

д-ру Бееру. Переговоры велись 5 ноября 1941 года в первой половине дня в служебной комнате д-ра Беера. Я обратился с просьбой освободить примерно 100 евреев. После меня слово взял д-р Краусс, который разъяснил д-ру Бееру, о каких лицах для освобождения идет речь. Д-р Краусс назвал при этом несколько фамилий – Рапапорт, Роза Буданская (служила у меня) и еще другие, которые я уже не помню. Д-р Беер, которого тогда явно поджимало время, заявил нам, что он не может быть нам полезен, так как и без того штабом генерала Китцингера предпринято все, чтобы освободить еврейских работников. Д-р Беер заявил еще, что и без того все уже выяснено с еврейским советом и мы вскоре получим еврейских ремесленников и прочих работников. Но к нашему сожалению д-р Краусс и я уже на следующий день узнали, что все лица, которых мы пытались освободить, кроме Рапапорта, расстреляны. У Рапапорта была так называемая справка об освобождении, благодаря которой он временно избежал захвата со стороны СД и гестапо. Однако во время второй акции в июле 1942 года Рапапорт был также расстрелян. В связи с нашими переговорами д-р Беер не делал вид, что только он принимает решение о возможном освобождении еврейской рабочей силы. Он также не высказался в том смысле, что он не может разрешить освобождение евреев. Он сказал только, как уже упомянуто выше, что все уже урегулировано с еврейским советом. Я еще смутно помню, что д-р Беер высказался в том смысле, что он не может делать никаких исключений, так как все полностью улажено [...]. Во время первого допроса я показал, что среди военнослужащих Вермахта д-р Беер не пользовался хорошей репутацией. В связи с этим я хотел бы упомянуть, что в то время между гражданской администрацией и Вермахтом существовали очень напряженные отношения. Д-р Беер из-за своего надменного поведения и из-за своей молниеносной партийной карьеры был всем ненавистен и считался выскочкой [...].

Спустя несколько дней после первого посещения (5 ноября 1941) д-ра Беера я по служебной надобности вновь пришел в здание гебитс-комиссара. Я тогда также попал на первый этаж, где находилось бюро д-ра Беера. У одной расположенной у самого бюро комнаты была

полуоткрыта дверь, так что я туда мог заглянуть. В этой комнате я увидел 2 или 3 стола, на которые были свалены разного рода драгоценности – кольца, часы, женские украшения и портсигары и т. п. Это могло быть только имущество, которое незадолго до этого было отобрано у расстрелянных евреев. Когда я в тот же день в офицерском казино рассказал об этих ужасных наблюдениях, сидящий со мной за столом офицер, фамилию которого я уже не помню, сказал, что д-р Беер из массы драгоценностей предложил ему портсигар [...].

Barch B 162/2925, Bl. 9517–9520.

* * *

Документ № 7

Из показаний в качестве свидетеля 11 ноября 1960 г. следственным органам ФРГ бывшего руководителя биржи труда в Ровно Вальтера Лоренца

[...] Примерно за 14 дней до акции я получил от д-ра Беера информацию, что евреи должны быть казнены. Д-р Беер уведомил меня о том, что определенные ремесленники и специалисты должны быть исключены из этих запланированных казней. Этим определенным евреям должна быть выдана соответствующая справка. Д-р Беер дал очень строгие распоряжения относительно евреев, которые не должны быть казнены. Соответствующую справку я мог выдать только таким еврейским работникам, для которых не было равноценной замены. Принимать об этом решение также было моим заданием. На практике это выглядело так, что немецкие ведомства (работодатели) приходили ко мне и просили об освобождении своих еврейских работников. В этих случаях я затем принимал решение, могут ли работники согласно изданным строгим директивам быть фактически исключены из расстрела. Если немецкие ведомства или немецкие фирмы, которые работали в

районе Ровно, были не согласны с моим решением, я отсылал их к моему шефу д-ру Бееру, который затем со своей стороны принимал решение по делу. Данные справки об освобождении евреев составлялись и подписывались мною. Однако я не совсем уверен, что справки об освобождении были подписаны мною. Скорее всего, что справки были подписаны мною, так как это входило в мою компетенцию. Также могло быть, что д-р Беер в некоторых случаях давал мне указания, и я на основании этих указаний освобождал определенных евреев и для этого выдавал соответствующие справки. Сегодня я уже не знаю, дал ли мне д-р Беер директивы относительно освобождения евреев в письменной или устной форме. Я больше склоняюсь к тому, что эти директивы д-р Беер обсуждал со мной устно [...]. Соответствующие справки были отпечатаны на машинке и притом на 1/8 листа. Они содержали только фамилии евреев и примерно двумя предложениями указание на то, что соответствующий еврей освобожден и все немецкие ведомства должны позволить ему беспрепятственно пройти. Я уже не могу точнее вспомнить текст этих справок. От какого ведомства д-р Беер получил свои указания, я точно сказать не могу. По моему мнению, эти указания, несомненно, поступили из РКУ.

Как уже выше упомянуто, эти справки об освобождении были выданы примерно за 14 дней до казней. Выдача производилась работодателям, которые затем вручали их соответствующим евреям. Все дело было строго секретным. Тогда говорили не о казнях, а только о запланированном переселении евреев. Однако я уже тогда предполагал, что работодатели знали, что на самом деле означает переселение.

Накануне казней д-р Беер созвал всех членов своего ведомства, которое тогда насчитывало примерно 20 немцев, на совещание. Он кратко выразился в том смысле, что это теперь зашло далеко (он подразумевал ликвидацию евреев), и заявил нам далее, что все мы на следующий день рано утром должны находиться у гетто. Там все мы будем использованы для охраны или обеспечения безопасности. Д-р Беер был в своем роде довольно краток. Он не произнес много слов. Однако по нему было заметно, что он довольно возбужден.

На следующее утро все мы пошли к гетто. Мы были в нашей коричневой партийной форме и, как обычно, были вооружены пистолетами калибра 08 «Вальтер». Я мог наблюдать, как оперативная команда выгоняла людей группами из гетто. Евреи собирались внутри гетто на улице и там формировались в колонну. Я не видел, чтобы евреи оказывали сопротивление. Однако среди жертв было довольно много воплей. Почти все евреи вопили и бросались друг другу на шею. Они явно догадывались, что их ожидает. Оперативная команда работала довольно быстро. Задержек было немного. Если евреи медлили или не выполняли указание, они получали удар ногой или прикладом. Я не помню, чтобы при гоне евреев в гетто звучали выстрелы. Спустя относительно короткое время евреи были согнаны, и длинная колонна евреев начала движение. Отчасти можно было наблюдать, что евреи имели при себе небольшой багаж. В сопровождении оперативной команды евреи были уведены из города. Я сопровождал колонну евреев до окраины города, там дальнейшую охрану принял полицейский батальон, но, возможно, это была только рота. Согласно приказу я мог теперь уйти. Я ушел и отправился в мое ведомство. О заданиях других моих коллег, то есть членов ведомства д-ра Беера, я ничего не знаю. Казни евреев я также не видел.

Мой коллега, упомянутый выше саксонец с распространенной фамилией Мейер, Мюллер или Шульце, в этот день вернулся лишь поздно вечером. От него я узнал подробности осуществления казней. По его словам, оцепление и казни будто бы производили полицейские. Мой коллега ничего не сказал мне о том, что в казнях в качестве стрелков также участвовали члены СД. Спустя несколько дней после казней я встретил одного полицейского, с которым я уже познакомился в Ровно за кружкой пива. Ему было примерно 35 лет, у него была крепкая фигура, он был коренастым и имел довольно жидкие светлые волосы. Я считаю, его звали Радзивел (фон.) и он был рядовым. Этот полицейский рассказал мне, что он участвовал в казнях в качестве стрелка. Эта деятельность его сильно задела, и он после этого пил три дня. Также во время казней он довольно много потреблял алкоголя. Деталей от Радзивела я не узнал. Он всегда отмахивался, и было заметно, что он еще возбужден.

От моего коллеги с распространенной фамилией я также узнал, что на месте казни были собраны драгоценности евреев. Далее, евреи перед казнью должны были раздеться, и одежда также была собрана. Коллега мне также сказал, что мешок с золотом и ценностями после казни был сдан д-ру Бееру. Где был д-р Беер во время казни, я сказать не могу. Я также уже не помню, был ли он рано утром вместе с нами у гетто [...].

Barch B 162/2898, Bl. 3843–3847.

* * *

Документ № 8

Из показаний в качестве свидетеля 22 июня 1962 г. следственным органам ФРГ бывшего адъютанта 320-го полицейского батальона Гельмута Линке

[...] Перед акцией по истреблению в Ровно состоялось совещание, которым руководил обергруппенфюрер Екельн. В этом совещании участвовали несколько членов его штаба, а также члены шупо¹. Насколько я помню, присутствовал также генерал фон Ёльхафен². Далее, присутствовали майор Далл и я. Насколько я помню, командиры рот батальона в совещании не участвовали [...]. На совещании Екельн вполне ясно заявил, что евреи Ровно должны быть расстреляны. Присутствовавшие командиры подразделений получили от Екельна инструкции. Я вспоминаю, что майор Далл возражал против участия батальона. Детали я уже не помню. Но я знаю, что майор Далл выступил с возражениями. Эти возражения Екельн отклонил. Какие слова при этом использовал Екельн, я уже не помню. Но, насколько я помню, из его слов можно было заключить, что майор Далл в случае отказа выполнить приказ должен считаться с наихудшими последствиями. Приказ был отдан со ссылкой на приказ фюрера. Уже мужеством было вообще возражать.

После совещания для меня и Далла стало ясно, что майор Далл не в состоянии уклониться от деятельности, не подвергая опасности свою жизнь [...]. Майор Далл был несколько мягким человеком. Тем более достойно уважения, что он на совещании вообще отважился возражать. Также могло быть, что генерал Ёльхафен выразил сомнения относительно участия полиции в казни, но точно я уже не помню. Сегодня я могу только передать впечатления, которые мне запомнились. Я вспоминаю, что майор Далл был на грани нервного срыва. Как адъютант я не был командиром какого-либо подразделения. Поэтому мне удалось избежать участия в последующей истребительной акции в Ровно. Акция была проведена через несколько дней после совещания с Екельном. Я еще вспоминаю, что с майором Даллом я был на месте сбора евреев в Ровно. Сборный пункт был у церкви. Насколько я помню, Далл потребовал, чтобы я его сопровождал. Я не думаю, что он разъяснил мне при этом, куда он направляется. Мы поехали на сборный пункт. Насколько я помню, майор Далл тогда контролировал мероприятия по оцеплению. Насколько я помню, я его сопровождал несколько шагов и затем вернулся к машине. Я сам на сборном пункте ничего не делал. Я вел себя совершенно пассивно. У меня не было никакого повода что-либо предпринимать в служебном отношении, так как к моим задачам как адъютанта не относился контроль за мероприятиями по оцеплению и подобными исполнительными мероприятиями. Это было делом командиров подразделений. Я очень недолго находился на сборном пункте и затем вернулся в штаб батальона [...].

Barch B 162/2918, Bl. 8010–8012.

¹ Шупо (Schupo, Schutzpolizei) – охранная полиция.

² Командующий полицией порядка в Рейхскомиссариате Украина.

* * *

Документ № 9**Из показаний в качестве свидетеля 25 сентября 1962 г.
следственным органам ФРГ бывшего командира 1-й роты 320-го
полицейского батальона Альфреда Вебера**

[...] Накануне акции по истреблению Далл сообщил мне, что я со своей ротой на месте события должен произвести внешнее оцепление. Я в очень возбужденном состоянии высказал возражения против этой деятельности и упрекнул Далла в том, что он не позаботился о том, чтобы освободить батальон. Далл возразил, что он просил обергруппенфюрера СС Екельна не использовать батальон для казни. Однако Екельн эту просьбу категорически отклонил и угрожал ему, что он погубит весь батальон, если его приказ не будет выполнен надлежащим образом. Насколько я еще помню, Далл передал мне именно такие слова Екельна. Он совершенно ясно выразился, что Екельн за отказ выполнить приказ угрожал смертной казнью. Далл передал угрозы Екельна в очень определенной форме. Я был объят ужасом и взволнован этим приказом. Я пошел на мое место расквартирования и там меня вызвал Далл, который по телефону передал мне приказ позаботиться о формировании из членов моей роты экзекуционной команды для казни. Во время устной отдачи приказа об этом речи не было. Я по телефону резко возразил. Но Далл снова сослался на приказ Екельна и вновь указал на его угрозу погубить батальон. Далл далее сказал, что члены моей роты только в крайнем случае будут назначены стрелками. Я считаю, что Далл при предыдущей отдаче приказа не осмелился отдать мне этот приказ лицом к лицу, так как я слишком возбужденно реагировал на требование участвовать в казни. Учитывая личность Екельна, у меня не было никакого сомнения, что он выполнит свою угрозу в случае отказа выполнить приказ. Мое отчаяние зашло так далеко, что я даже подумывал о самоубийстве. Приказ позаботиться о формировании экзекуционной команды я без комментариев передал моим командирам взводов. Насколько я еще помню, Далл приказал, чтобы каждый взвод

выделил примерно 4 человека. Таким образом, командиры взводов сформировали экзекуционную команду численностью в 12 человек, то есть командиры взводов подобрали добровольцев или люди были отобраны жеребьевкой. Я еще надеялся, что члены моей роты не будут использованы в качестве стрелков. Учитывая сильные угрозы Екельна, не оставалось никакой надежды на то, что батальон будет полностью освобожден от акции. На следующий день согласно приказу я со своей ротой произвел оцепление места события. Спустя добрый час появилась команда СД численностью около 30 человек под руководством штурмбаннфюрера или оберштурмбаннфюрера, которого я дальше буду называть штурмбаннфюрер. Штурмбаннфюрер поспешил ко мне и сразу стал сильно ругать меня за то, что экзекуционная команда полиции еще не стоит у ямы в готовности стрелять. Я возразил штурмбаннфюреру, что казнь является делом только СД. Но тот не слушал мои возражения и кричал и бушевал, как дикарь. Он приказал немедленно выставить экзекуционную команду. Тогда мои командиры взводов сами, без моего вмешательства, направили людей к яме. Я при этом вел себя совершенно пассивно. Я видел, как офицеры или унтер-офицеры СД забрали моих людей и отправили их в ямы. Я со своего места не мог заглянуть в ямы. Я отошел за внешнее оцепление, так как казнь была для меня слишком ужасной. От ужаса и волнения мне было так плохо, что меня вырвало. Я сознательно не заглядывал в ямы, но из разговоров я знаю, что жертв убивали выстрелом в голову или затылок. Приказ о деятельности сформированной днем ранее экзекуционной команды поступил от штурмбаннфюрера. Мои командиры взводов получали приказы непосредственно от штурмбаннфюрера. Я был не в состоянии отменить этот приказ или приказать моим людям не идти в ямы. Учитывая предыдущие угрозы Екельна, это могло стоить мне жизни. Я не помню, видел ли я майора Далла на месте события. С наступлением темноты казнь была прекращена, и я со своими людьми должен был и дальше осуществлять внешнее оцепление. На второй день экзекуционные команды батальоном не выделялись. В течение дня я с моей ротой убыл на место расквартирования [...].

Barch B 162/2920, Bl. 8344–8345.

* * *

Документ № 10**Из показаний в качестве свидетеля 21 декабря 1960 г.
следственным органам ФРГ бывшего командира 2-й роты 320-го
полицейского батальона Ганса Вимера**

[...] Во время моего пребывания в Луцке в ходе одного служебного совещания я узнал, что в Ровно запланирована акция против евреев. Но майор Далл заявил мне, что моя рота в этой акции не будет задействована. Это меня очень обрадовало, и я верил тому, что я с ротой не буду использован против евреев. Однако неожиданно я получил приказ поехать с моей ротой на очень короткое время в Ровно¹. Я считаю, что приказ майор Далл передал мне по телефону. В Ровно Далл мне сообщил, что моя рота должна только оцепить сборный пункт евреев. Этим сборным пунктом была большая площадь на окраине города, на которой при нашем появлении собирались евреи. Мы оцепили сборный пункт постовыми. Затем евреи членами другого подразделения были отведены со сборного пункта на место казни, которое находилось в 4-5 км от города. После того как последние евреи покинули площадь, я был вызван к майору Даллу и притом, насколько я помню, по рации. Теперь я получил приказ прибыть с ротой на место казни. Мы туда поехали на грузовиках и получили приказ образовать шпалеры от сборного пункта близ ям для расстрела до самих ям. Я распределил моих людей для этой шпалеры. Мы лишь под вечер прибыли на место казни. Когда мы туда прибыли, там господствовал неописуемый беспорядок. Находившиеся там полицейские и члены СД большей частью были явно совершенно пьяны. Местом события была холмистая местность, которая состояла из леса и кустарника. Я считаю, что место сбора евреев было удалено от массовой могилы, к которой мои люди должны были образовать шпалеры, примерно на 100 метров. На месте события были также другие ямы для расстрела. Я уже не могу сказать, всю ли роту я использовал для образования шпалер.

Я упрекнул майора Далла в том, что он не выполнил свое обещание освободить нас от акции. Далл был совершенно не в себе, и с ним нельзя было разумно говорить. Во время моего допроса 19 августа 1959 года я уже описал казнь так, как я ее увидел. Я недолго находился у ямы для расстрелов и затем пошел к группе офицеров, которые стояли недалеко от этой ямы. В этой группе офицеров говорили о том, что нужны добровольцы в качестве стрелков, так как членов СД недостаточно, чтобы расстрелять большое количество евреев. Однако я не призвал моих людей добровольно вызваться стрелками. Наоборот, как перед акцией в Каменец-Подольском, так и перед акцией в Ровно я не скрывал от моих людей, что я настроен против этих расстрелов. Моим людям я дал ясно понять, что я не желаю, чтобы кто-нибудь из них участвовал в расстрелах в качестве стрелка. Как уже отмечено, близился вечер, когда мы были задействованы на месте казни. Когда наступила темнота, я поехал с моей ротой назад в Луцк. На следующий день я в этой акции не участвовал [...].

Barch B 162/2901, Bl. 4213–4214.

¹ Согласно показаниям 6 сентября 1960 года бывшего полицейского 2-й роты 320-го полицейского батальона Эриха Бандова в Ровно поехали на один день только два взвода роты (Barch B 162/2894, Bl. 3159).

* * *

Документ № 11

**Из показаний в качестве свидетеля 11 января 1961 г. следственным
органам ФРГ бывшего командира пулеметного взвода 2-й роты
320-го полицейского батальона Карла Бройера**

[...] Ближе к вечеру я вновь с обер-лейтенантом Вимером поехал на место события, чтобы установить, как долго акция еще будет

длиться. На месте события мы увидели, что члены 2-й роты тем временем приблизились вплотную к месту события. Обер-лейтенант Вимер, насколько я знаю, был еще возбужден из-за того, что акция еще не закончена, хотя постепенно темнело. Отдельных евреев еще приводили на сборный пункт, который вплотную примыкал к указанной роще. Затем я увидел, что цугвахтмейстер Хотопп неожиданно начал стрелять из своего автомата по последним, медленно идущим евреям. Я подошел к Хотоппу, чтобы узнать, по какой причине он стреляет в евреев. Хотопп сказал мне, что евреи должны идти быстрее, и он получил приказ стрелять по евреям. Я также видел, что другие члены 2-й роты стреляли в евреев из карабинов. Со своего места я не мог видеть, были ли евреи убиты или они только бросились в укрытие. Мне известно, что после того как все эти евреи лежали на земле, о них больше никто не заботился. Хотопп стрелял по евреям с расстояния в 5-10 метров. Я сам позднее видел лежащими примерно 8 евреев, которые не подавали никаких признаков жизни. По моему мнению, эти евреи были мертвы. Если мне говорят, что у указанной роши под конец акции будто бы были застрелены 150-200 евреев, то я на это заявляю, что это количество может быть правильным. После обстоятельных размышлений я прихожу к выводу, что в этой роще после убийства 2-й роты еще сидели несколько тысяч евреев. Начался снегопад и земля была сильно размокшей. Я сам не ждал сбора 2-й роты, а после разговора с Хотоппом поехал назад на место расквартирования. Со мной был также обер-лейтенант Вимер. По моему мнению, обер-лейтенант Вимер точно так же видел, как стреляют его люди, как и я. Поступил ли приказ стрелять по медленно идущим евреям от гауптмана Вимера или от другого офицера, я сказать не могу. Об этом должен знать Хотопп или другие члены роты, которые из карабинов стреляли по этим евреям. Наша рота прибыла на место расквартирования штаба батальона и 3-й роты в полном составе и еще в ту же ночь мы на наших машинах поехали обратно в Луцк [...].

Barch B 162/2902, Bl. 4456-4457.

* * *

Документ № 12

Из показаний в качестве свидетеля 10 сентября 1965 г. следственным органам ФРГ бывшего полицейского 3-й роты 320-го полицейского батальона Бернхарда Волленхаупта

[...] В составе нашего батальона я 3-4 раза присутствовал при расстрелах евреев, и каждый раз я входил в команду оцепления. Первая акция была проведена в октябре или начале ноября 1941 г. 5 октября 1941 г. я уехал в отпуск. До этого времени никаких акций не было. В отпуске я был три-четыре недели. Вскоре после возвращения из отпуска батальон на машинах поехал на операцию в окрестностях Ровно. Названия населенных пунктов я уже не помню. Мы окружали населенные пункты и выгоняли евреев из домов. Они были сведены в колонну и отправлены в Ровно. В этот день мы выгнали евреев из 2 или 3 населенных пунктов. Мы всегда использовали поротно. 3-я рота имела задание окружать дома и препятствовать попыткам побега. Перед операцией нам было сказано, что мы должны стрелять в убегающих евреев. Однако попытки к бегству места не имели. Евреям говорили, что они направляются на работу. Соответствующая информация передавалась через передвижную установку громкого вещания. Я уже не знаю, была ли это машина полиции. Присутствовали также члены СД, которые также имели машины. Всей акцией руководил HSSPF¹ Екельн, которому мы подчинялись. Перед акцией наш командир батальона и другие офицеры были у Екельна на совещании. Наши офицеры сказали нам, что мы должны собрать евреев и отправить на работу в Германию. Скорее мы должны доставить их только на станцию. Что евреи были затем расстреляны, всех нас очень поразило. Итак, в этот день мы вытаскивали евреев из домов. Полицейская команда, состоявшая из прибалтов, и доставила их затем в Ровно. Тем временем настал вечер, и наш батальон поехал назад в Ровно на квартиры. Где евреи в Ровно были помещены, я не знаю. На другой день евреи были

расстреляны. В этот день мы встали около 6.00 и после кофе построились во дворе нашего места расквартирования. Командир батальона объявил нам, что должны быть расстреляны евреи. Он сказал нам тогда, что расстрелы будет производить СД, а мы должны произвести оцепление. Мы узнали, что казни должны производиться у дороги близ Ровно. На наших машинах мы затем поехали на место расстрела. Через 20 минут езды мы были на месте казни. В стороне от дороги, которая вела в Киев, находились несколько больших воронок от бомб, которые были минимум 6-8 метров глубиной. Каждая рота получила определенный участок. Наша рота была дальше всех от дороги. Мы не могли ее видеть. Весь батальон образовал большой круг, который еще раз был разделен. Внутри этого круга 3 роты образовали еще один круг. Образованный одной ротой круг имел, вероятно, диаметр 150 метров. После того как мы заняли позиции, мы увидели, как из Ровно подходят евреи. Их вновь конвоировали балтийцы и латыши. Они были приведены в большое кольцо оцепления, образованного батальоном. Затем они должны были сесть. Вероятно, имелось 2000 евреев. Группами по 50 человек их отводили в образованный ротой круг и притом к воронке от бомб. Они снова должны были сесть. Теперь я должен добавить, что перед прибытием нашего батальона на месте казни уже были члены СД. Они уже стояли в отдельных воронках от бомб и ожидали евреев. В воронках всегда стояли 4-5 членов СД. Так как казни производились в 5-6 воронках, имелось, вероятно, 30-40 членов СД, которые здесь были задействованы. С края воронки от бомб член СД отводил 4-5 евреев на дно воронки. Затем там их расстреливали. Как происходил расстрел, я сказать не могу, мне ничего не было видно. Каждый раз стреляли из пистолета, автоматов я не видел. Мужчины перед казнью должны были снять верхнюю одежду, женщины оставались одетыми. Также расстреливали детей. Мужчины спокойно шли на смерть, большинство молились или пели смертные песни. Женщины и дети плакали и кричали. Попыток к бегству не было. Вечером казнь была закончена, и мы поехали назад на место расквартирования. Но перед этим я еще увидел, что там была машина с хлорной известью. Рабочая команда, евреи, должна была посыпать

расстрелянных хлорной известью и затем воронки были засыпаны. Мы не оставались там до окончания этой работы, которую контролировали члены СД, а поехали в Ровно. Что затем произошло с еврейской рабочей командой, мы видеть не могли, но догадывались [...].

Barch B 162/2925, Bl. 9614-XI – 9614-XIV.

¹ HSSPF (Höherer SS- und Polizeiführer) – главнокомандующий СС и полиции.

* * *

Документ № 13

Из показаний в качестве свидетеля 30 сентября 1960 г. следственным органам ФРГ бывшего и. о. командира 1-го взвода 3-й роты 320-го полицейского батальона Альфреда Петерейта

[...] Это верно, что я получил от Шарвая приказ со своим взводом оцепить часть улицы близ гетто. Шарвай также категорически приказал применять огнестрельное оружие в отношении евреев, пытающихся бежать [...]. Около 10.00 я получил от Шарвая приказ позаботиться о хлорной извести. Я уточняю: Шарвай еще до начала деятельности рано утром приказал мне в первой половине дня достать хлорную известь. После того как я назначил свой взвод в оцепление (операция началась около 7.00), я около 10.00 на грузовике поехал доставать хлорную известь. Перед этим меня в городе проинформировали, где можно достать хлорную известь. Так как было очень трудно достать большое количество хлорной извести, я прибыл на место казни около 17.00. Когда я явился к Шарваю, он сделал мне порицание за то, что я слишком поздно был на месте с хлорной известью. Насколько я помню, хлорную известь, которая отчасти была в мешках, а отчасти была погружена на грузовик в свободном виде, разгрузили русские военнопленные.

Я уже не помню, кто был водителем грузовика. На месте казни я увидел следующее: там находилось очень много евреев, которые лежали или стояли. Погода была промозглой, шел снег. Земля размокла, и евреи стояли или лежали в глубокой грязи. Там находились 10-12 могил размером примерно 10 x 4 метра, о глубине я ничего сказать не могу, так как когда я прибыл, они уже были заполнены трупами. Насколько я помню, трупы, которые я видел, были одеты. В одной яме еще стреляли примерно три члена СД. Евреи должны были спрыгнуть в яму, лечь на находившиеся там трупы и были застрелены из автоматов, поставленных на одиночный огонь, выстрелом в затылок. В этой яме были расстреляны мужчины, женщины и дети, все они были еще одеты. Но так как я видел на месте события большое количество одежды, я считаю, что евреи перед моим появлением перед казнью должны были раздеваться. Вероятно, позднее подпирало время, так как темнело, и поэтому евреев больше не заставляли раздеваться. Я видел, что у некоторых ям русские пленные были заняты тем, что засыпали ямы. Также доставленная мною хлорная известь очень быстро была рассыпана на трупы. Я сам видел 10-12 могил, которые еще не были засыпаны. Я стоял примерно в 10 метрах от ямы, в которой еще стреляли. Я мог видеть казни во всех деталях. Там стоял ужасный плач. У меня сложилось впечатление, что евреи были полузамерзшими. Евреи смирились. Я считаю, что из-за сильного холода они были настолько физически ослабленными, что не могли оказать никакого сопротивления. Я не помню, были ли на членах СД фартуки. Сильно пахло кровью. Члены СД стояли в яме на трупах. Я не помню, кто заряжал автоматы членов СД. Я не видел, чтобы члены батальона использовались как стрелки. Я также не могу подтвердить, что члены батальона заряжали автоматы членов СД. Когда я появился на месте казни, примерно в 50 метрах от того места, где я стоял, у ямы для расстрела на небольшой возвышенности лежало много трупов мужчин, женщин и детей, которые там на открытом месте уже были расстреляны перед моим приходом. В яме, у которой я стоял, были расстреляны последние евреи, которые находились на месте события. Их могло быть 50-100. Я считаю, что евреи были расстреляны частично на открытом месте потому, что они уже не могли поместиться в яму.

В качестве «зрителя» я присутствовал на казни примерно час. Возможно, что в течение этого времени в этой яме было расстреляно больше, чем 50-100 евреев. Когда я на грузовике покинул место события, было уже темно. Когда я уезжал, в яме еще звучали одиночные выстрелы. Могло быть, что перед ямой стояло еще немного евреев. Но в основном евреи были уже расстреляны [...].

Barch B 162/2895, Bl. 3273–3275.

* * *

Документ № 14

Из показаний в качестве свидетеля 6 сентября 1962 г. следственным органам ФРГ бывшего полицейского 3-й роты 320-го полицейского батальона Йоганна Хёке

[...] В ходе этой акции я согласно приказу сопровождал евреев на сборный пункт близ ям для расстрела. Затем я у сборного пункта находился в оцеплении. Я уже довольно долго был на этом месте, когда Шарвай мне приказал позаботиться о том, чтобы евреи со сборного пункта шли через шпалеры, которые вели к ямам для расстрела. Я не заходил в яму [...]. Я остался стоять в начале шпалер. Евреев не загоняли в шпалеры. Они шли добровольно. Практически я этому никак не способствовал. Я не один стоял в этом месте, но также другие члены роты были для этого назначены Шарваем. Во второй половине дня я получил от Шарвая приказ идти в яму и участвовать в качестве стрелка. Я стал умолять Шарвая не назначать меня стрелком. Шарвай из-за этого вышел из себя и разбушевался. Он кричал на меня, что я ведь знаю, что мне будет за отказ выполнять приказ. Также в этот раз его угроза недвусмысленно состояла в том, что он предаст меня военно-полевому суду. Шарвай сам в этой акции участвовал в качестве стрелка, что я знаю совершенно точно. Его вид вызывал ужас. Насколько я помню, в его руке был автомат. На мою просьбу меня освободить,

он начал размахивать автоматом. Из-за его жестов и его угрожающих слов у меня возник страх за свою жизнь, и я пошел в яму. Я тогда застрелил примерно 3 евреев, их также могло быть 4. Из-за волнения я не могу дать точных сведений о том, сколько жертв я застрелил. Но затем я все это уже не мог больше выдерживать. Я просто не мог больше стрелять. Я вышел из ямы и попросил Шарвая меня освободить. Шарвай на меня снова накричал. Но так как он видел, что я весь тряусь и едва стою на ногах из-за сильного волнения и ужаса, он мне заявил, чтобы я убирался прочь. Я вернулся на сборный пункт и находился в стороне [...]. Я знаю точно, что Шарвай был в яме и со своим автоматом участвовал в казни. Я должен себя поправить, когда я ранее сказал, что я выбрался из ямы и затем встретил Шарвая. Я к нему обратился в яме и попросил его меня освободить. Я убежден, что он меня отпустил только потому, что не хотел рисковать из-за того, что я в яме рухну, и у него будут трудности [...]. Я уже не могу точно сказать, расстреливал ли я евреев из автомата или пистолета калибра 08. Во время этой казни я и другие члены батальона употребляли алкоголь. Но я не напился. Я убивал евреев с близкого расстояния выстрелом в затылок. Если бы я не приставлял пистолет к затылку жертвы, то, очевидно, я не мог бы правильно попасть. Я сильно дрожал и мне было очень плохо [...].

Barch B 162/2919, Bl. 8208–8210.

* * *

Документ № 15

**Из показаний в качестве свидетеля 19 апреля 1961 г.
следственным органам ФРГ бывшего полицейского 3-й роты
320-го полицейского батальона Фрица Фусса**

[...] Однажды, это могло быть в конце октября, командирами взводов наша рота была назначена для оцепления города Ровно. Отдельные постовые стояли вокруг города Ровно на расстоянии видимости. Я был

постовым на железнодорожной линии, которая вела из Ровно в Ковель, близ тамошнего сахарного завода. Слева и справа от меня стояли на расстоянии видимости Генш и Вундер. С названными товарищами я очень много был вместе. Мы входили в отделение, которым руководил Герхард Бредлов. Б. также находился поблизости. У нас было задание никого из города не выпускать и никого не впускать. Что с этим оцеплением вновь началась акция против евреев, нам тогда известно не было. Я предполагаю, что для оцепления города был назначен весь батальон. Город был оцеплен два дня и две ночи. Близ нашего оцепления находился дом. Насколько я помню, постовые время от времени сменялись и отдыхали в упомянутом доме. Когда я через два дня и две ночи с моими товарищами по приказу сдал оцепление, я в месте расквартирования узнал от моих товарищей, что за время оцепления евреи из Ровно были согнаны в несколько больших зданий внутри Ровно. Это будто бы было сделано членами роты «Остланд». Я не могу сказать, занимались ли члены 320-го полицейского батальона стаем евреев. Здания, в которые были согнаны евреи, я увидел несколько позднее и притом лишь после акции. Точное описание этих зданий я уже дать не могу. Насколько я помню, в зданиях евреи оставались примерно 1 неделю. Я не могу сказать, какое подразделение охраняло здания.

Однажды, это могло быть в начале ноября, рота рано утром построилась для получения приказа. Сегодня я уже не знаю, что в это утро конкретно сказал гауптман Шарвай, который отдавал приказ. Но я вспоминаю, что рота для непосредственно предстоящей акции против евреев должна была выставить расстрельную команду. Я точно знаю, что гауптман Шарвай в связи с этим не спрашивал, есть ли добровольцы. Возможно, гптм. Ш. велел отсчитывать по семь человек. Каждый седьмой должен выходить и таким образом становился стрелком. При отсчете рота как обычно построилась в линию двумя рядами. Сначала отсчет производился в первой линии с правого фланга и затем продолжался во второй линии. В то время в роте насчитывалось около 180 человек, так что расстрельная команда состояла из 26-27 человек. Члены отобранной расстрельной команды после построения были посланы к ваффенварту¹ Шульцу. Как я позднее услышал, то есть еще в тот же день, отобранные стрелки получили по пистолету 08 и соответствующие боеприпасы.

Обычно мы все были вооружены карабинами и внутри отделений только стрелок 1² (пулеметчик) и командир отделения имели пистолет. После того как отобранные стрелки получили их оружие и боеприпасы, часть роты отправилась для оцепления. Я сам стоял в оцеплении на дороге в Киев примерно в 6 км от Ровно. Поблизости вновь были товарищи Генш и Вундер и, кроме того, я еще вспоминаю Годберсена. К этому моменту мы знали, что на тамошней местности слева от дороги должны быть казнены согнанные накануне евреи. На наших постах мы должны были заботиться о том, чтобы близ места события не было посторонних. С моими товарищами я стоял там на посту два дня и две ночи. Я еще помню, что было доставлено продовольствие, и мы время от времени ненадолго сменялись. С того места, где я стоял, я место события видеть не мог. Выстрелы я также не слышал. Через два дня мы вечером были отведены и направились в казарму. Теперь я услышал от моих товарищей, что некоторые находились в оцеплении близ ям для расстрела. Теперь я узнал, что евреи были расстреляны таким же способом, как и в Каменец-Подольском. Стрелки будто бы были в основном из СД. Я ничего не могу сказать о том, поддерживали ли СД во время расстрелов отобранные стрелки нашей роты. Этого я не видел и не слышал об этом. Но поскольку во время этой акции было расстреляно очень много евреев, я считаю, что также была использована отобранная расстрельная команда. Выставили ли другие роты расстрельные команды, я сказать не могу.

Таким образом, в течение всей акции я находился в оцеплении на своем посту и не имел возможности видеть место события. Как уже выше упомянуто, на второй день вечером мы, постовые в оцеплении, были сменены и отправились на наше место расквартирования. На следующее утро я получил от моего командира взвода Черницки или от моего командира отделения Бредлова в присутствии командира роты Шарвая приказ поехать на грузовике на место события и там расстрелять еще живых евреев. Этот приказ Бредлов или Черницки отдал не только мне, но и моим товарищам Йозефу Вундеру, Гельмуту Геншу и Годберсену и притом в рамках небольшого совещания. Нам было сказано, что близ ям для расстрела лежат еще несколько евреев и отчасти там замерзли. Эти евреи были еще живы и должны быть нами убиты.

Когда нам был отдан приказ, Шарвай стоял, как уже упомянуто, поблизости и все слышал. Затем мы четверо у ваффенварта Шульца получили по пистолету 08 и четыре полных магазина. На грузовике мы четверо и шофер, фамилию которого я уже не помню, поехали за Ровно на место расстрела. Машина приехала не на место, а осталась стоять на дороге. Остался ли шофер у машины или пошел с нами на место, я уже сказать не могу. Я считаю, что с высокой степенью вероятности нашей небольшой расстрельной командой руководил наш командир отделения Бредлов. Но также могло быть, что с нами был наш командир взвода Черницки. Во всяком случае, с нами был один из названных унтер-офицеров. Когда мы пришли на место, мы увидели большую лощину, и в этой лощине в замерзшей грязи лежали евреи. Это были сплошь старые мужчины и женщины. Детей я не видел. Некоторые евреи стонали. Это были подобиya людей. По их лицам можно было увидеть, что они хотели смерти. У них явно не было сил вообще говорить. Это было ужасно видеть людей, которые по колено находились в сильно замерзшей грязи. Затем мы согласно приказу выполнили наше задание и из наших пистолетов убили выстрелом в затылок находящихся в грязи людей. В ходе этой акции я застрелил примерно 10 человек – мужчин и женщин. Другие евреи были застрелены моими товарищами и унтер-офицером. При этом мы сами не запачкались, так как земля за ночь так сильно замерзла, что мы ее не растолкли. Примерно через $\frac{3}{4}$ часа все евреи были убиты. После выстрелов в затылок мы оставили жертвы лежащими в грязи и на грузовике поехали на место расквартирования.

Когда мы расстреливали лежавших в грязи евреев, находившиеся поблизости массовые могилы, насколько я помню, охраняли полицейские чиновники³. Я сам при случае осмотрел могилы. Это были несколько больших ям, уже засыпанных землей. Жертв в ямах я уже не видел. Я точно знаю, что во время расстрелов, произведенных мною и моими товарищами, офицер не присутствовал. Если меня спросят, почему я не отказался выполнять отданные мне приказы, то я заявляю, что лежащих в грязи людей в душе мне было очень жаль, но этих людей просто нельзя было спасти. Единственное спасение для них я видел в так называемом «выстреле пощады», который и сделали я и мои товарищи. Тогда мы просто не могли поступить по-другому. Кроме того,

этот приказ косвенно поступил от Шарвая, и мне даже в голову не пришло его отклонить. Я глубоко убежден, что в случае отказа выполнить приказ я был бы Шарваем примерно наказан. В этом месте я могу указать на следующий случай: выше я уже упомянул, что у нас на ротной кухне работали еврейка и еврей. За несколько недель до акции в Ровно Шарвай поймал меня на том, что я дал еврейке постирать мое белье. Это было запрещено, и Шарвай на месте наказал меня 14 днями строгого ареста. После этого я направил командиру батальона письменную жалобу. Моя жалоба была отклонена. Из этого мне стало совершенно ясно, что приказы какого-либо рода не выполнять нельзя [...].

Barch B 162/2907, Bl. 6177–6181.

¹ Ваффенварт (Waffenwart) – начальник оружейной камеры.

² Первый номер пулеметного расчета.

³ Так в документе (нем. – Polizeibeamte).

* * *

Документ № 16

Из показаний в качестве свидетеля 29 сентября 1960 г. следственным органам ФРГ бывшего члена 320-го полицейского батальона Франца Арбайтера

[...] В ноябре 1941 г. в Ровно была проведена крупная акция против евреев. По слухам, в ходе этой акции за Ровно были расстреляны 25–30 тысяч евреев. Накануне акции к каждому из авточасти подошел старший по авточасти Эрдман и приказал, чтобы на следующий день все автомашины были готовы к выезду. Эрдман не сказал нам прямо, что произойдет. Но все знали, что вновь должны быть расстреляны евреи. Это мы предположили потому, что в Ровно еще было большое еврейское гетто. Мы считались с расстрелом евреев также потому,

что евреи, которые работали на батальон в качестве ремесленников и прочих вспомогательных рабочих, уже два дня больше не приходили. На следующее утро под руководством Эрдмана мы поехали по автостраде в направлении Киева. Отъехав примерно пять километров от Ровно, я должен был с моей санитарной машиной остаться стоять на автостраде. Мое задание состояло в том, чтобы в случае инцидентов доставить раненых в лазарет в Ровно. Другие шоферы батальона были распределены по ротам и должны там выполнять задачи по перевозке. От Эрдмана я также услышал, что один шофер должен забрать из Ровно примерно 20 украинцев. Эти 20 украинских штатских, как я, по крайней мере, слышал, добровольно вызвались рыть ямы. Они будто бы работали даже с радостью. Я сам видел, как эти добровольцы во дворе казармы (западная казарма) в шаловливом настроении садились в машину. Что затем произошло с этими штатскими, мне не известно. Я не думаю, что они затем были расстреляны. Если бы это произошло, я бы точно об этом услышал. Мне не известно, что ямы рыли также русские военнопленные из лагеря в Ровно.

Как я уже выше упомянул, я с санитарной машиной стоял наготове на автостраде и притом примерно в 250 м от места казни. Близ моей стоянки рядом с дорогой находился один отдельно стоящий дом. Речь идет о доме, фотография которого имеется в папке с фотографиями. На фотографии я узнаю и дом, и местность.

На своем посту я находился в готовности в течение всей казни, а также всю следующую ночь и далее до вечера следующего дня. В течение всего этого времени я не был задействован. Это означает, что никто из наших людей не был ранен, чтобы потребовалась транспортировка в лазарет в Ровно. Из-за этого я очень много скучал. Со своего места я мог слышать залпы из автоматов. Незадолго до наступления темноты я больше не слышал автоматного огня. Тогда я направился на место казни. Моя машина осталась на дороге. На месте казни я наткнулся на оцепление, которое было выставлено членами 320-го полицейского батальона. Внутри оцепления в большой лощине я увидел стоящими около 10 000 евреев (по моей оценке). Погода была очень плохой, срывались снег и дождь. Евреи стояли в глубокой трясине. Земля была сильно размокшей. Время от времени я мог наблюдать, как евреи

подходили к цепи постовых и молили о своей жизни. Несколько евреев обратились и ко мне. Так, евреи говорили мне: «Господин лейтенант, оставьте нас в живых».

Евреи пели и молились, другие были совершенно разбиты и в отчаянии слонялись вокруг. Я узнал у оцепления, что расстрелы прерваны из-за наступления темноты. Также в следующие дни должны быть выкопаны новые могилы. Самих могил я тогда еще не увидел. Они находились за большим холмом. В это время также еще присутствовали члены СД. Я хотел бы упомянуть, что постовые имели указание не разговаривать с евреями. После того как я это бедствие наблюдал примерно четверть часа, я вернулся на автостраду к своей санитарной машине. Я устраивался на всю ночь. Но в своей машине я не мог спать, так как было очень холодно. В середине ночи погода несколько успокоилась, и я снова пошел на место казни. Теперь я прошел несколько дальше – до самых могил. Ночь была довольно ясной, и лежал снег. С того места, где я стоял, я мог видеть две могилы, которые примерно на три четверти были заполнены трупами. Могилы были примерно 10 м длиной и 5 м шириной. О глубине могил я не могу дать точных сведений. Однако, по моему мнению, она должна быть 5 м. От постовых оцепления я узнал, что жертвы с края ям должны были спрыгивать на трупы в ямах. После этого они получали приказ искать свободные места между мертвыми телами и там ложиться для расстрела. Когда я стоял на краю ямы, я увидел, как из массовой могилы поднялась рука. Одновременно я услышал голос, который несколько раз крикнул: «У меня есть еще золото!». Явно не все евреи были мертвы. Слишком много трупов я не видел, так как вся массовая могила была покрыта тонким слоем снега. Благодаря этому обстоятельству я смог отчетливо увидеть руку, которая неожиданно поднялась из массовой могилы. Подытоживая, я хотел бы сказать, что это ночное посещение массовых могил, из которых я видел две, было ужасным зрелищем. По моей оценке, там было четыре массовые могилы. Спустя четверть часа я вновь пошел к моей санитарной машине. Здесь я оставался до следующего утра. Между тем из батальона мне доставили пищу.

На месте казни больше ничего не двигалось. Я не слышал никаких выстрелов. Поэтому около 11.00 я третий раз за время моей деятельности пошел на место казни. За ночь подморозило. Внутри оцепления я увидел,

что несколько четырех-пятилетних детей замерзли стоя в грязи и уже были мертвы. Далее я мог наблюдать, как молодые евреи вытащили из грязи этих замерзших детей, двух или трех детей взяли под мышку и через холм отнесли их в направлении ямы. Вскоре после моего прибытия вновь начались расстрелы. От места сбора евреев к ямам были образованы четыре заградительные цепи. По моему мнению, эти заградительные цепи были образованы членами СД. Полицейских я видел только во внешнем оцеплении. Перед тем как идти через оцепление к ямам, жертвы должны раздеваться. По моему мнению, полностью раздеваться жертвы не должны. На них всегда была рубашка или брюки. У самой ямы я не стоял. По этой причине я не могу сказать, кто производил расстрелы. Однако я предполагаю, что казнь производили члены СД. Присутствовало большое количество членов СД. На месте казни я не видел ни одного члена СД, который носил бы защитную одежду (кожаный фартук). Во время казни я мог наблюдать, как один полицейский увел одну женщину с места казни. Женщина позднее пошла одна к автостраде. В этот момент (это было около полудня) я также покинул место казни и пошел к моей машине, которая стояла на автостраде. Сначала я пошел в дом на автостраде, чтобы там согреться. В этом доме я вновь встретил женщину, которая была отпущена из оцепления. От нее я узнал, что она не является еврейкой. Она еще предъявила мне соответствующую справку. Имя женщины я не запомнил. В остальном у меня сложилось впечатление, что люди из дома знали нееврейку. По их сведениям, женщина жила в одном небольшом населенном пункте близ Ровно. Там ее забрали из ее дома и присоединили к евреям. Она показала справку, что не является еврейкой, но справка не была принята во внимание. Лишь недалеко от массовой могилы один офицер признал спонную справку и вывел ее из оцепления. В остальном женщина также провела всю ночь внутри оцепления под открытым небом. По моей оценке, женщина была в возрасте примерно 30 лет.

Во второй день, незадолго до наступления темноты, стрельба прекратилась. От одного товарища я получил сообщение, что я могу оставить свой пост. После этого я поехал назад на место расквартирования в Ровно и притом один [...].

* * *

Документ № 17**Из показаний в качестве свидетеля 30 сентября 1960 г.
следственным органам ФРГ бывшего члена роты «Остланд»
Курта Кадика**

[...] Вскоре после нашего прибытия в Ровно, примерно в ноябре 1941 г., латышский полубатальон был назначен для акции против евреев. Накануне акции наш полубатальон примерно в полдень должен был построиться. Построиться также должны были и несшие внутреннюю службу. Офицер нашего полубатальона (это мог быть обер-лейтенант Линке¹) проинформировал нас об операции. В своей речи он заявил нам среди прочего, что евреи в гетто на следующий день будут выселены из Ровно. Обер-лейтенант Линке ничего не сказал о том, что под словом «выселение» следует понимать расстрел. Полубатальон был распределен для предстоящей операции. Наш полубатальон должен был охранять дороги, ведущие из Ровно. Мы имели определенное задание – арестовывать возможно пытающихся бежать евреев. Далее, нам было категорически сказано не применять к евреям жестокое обращение. Незадолго до наступления темноты мы отправились на предписанные посты. Мы были вооружены карабинами 98² и имели при себе примерно 35 патронов. В течение ночи никаких инцидентов не было. Рано утром следующего дня я был сменен. Насколько я помню, теперь у меня было несколько часов паузы в месте расквартирования. Примерно в середине дня я вновь выступил с примерно 10 людьми под руководством унтер-офицера. Фамилию унтер-офицера я уже сегодня не помню. Мы отправились к одной ведущей из города дороге, которая вела к месту казни. Эта дорога вела в северо-восточном направлении. Когда мы прибыли на эту дорогу, мы увидели длинную колонну евреев, которая как червяк медленно ползла вперед. У евреев был ручной багаж. Больных и старых евреев везли на подводах. Я видел мужчин, женщин, детей и стариков. Теперь у нас было задание оцепить дорогу с обеих сторон, чтобы не допустить возможные попытки к бегству.

На моем месте попыток бежать не было. С длинной колонной евреев продвигалось вперед и оцепление. Через 3-4 км колонна повернула направо в отлогую, холмистую и засаженную лесом местность. Я находился во главе колонны. Близ дороги я увидел 6-7 вырытых ям. Вокруг этих ям и еще более широкого участка местности мы образовали двойное оцепление. Евреи были отведены или загнаны в большую лощину. Следует отметить, что мне при виде ям стало ясно, что евреи должны быть расстреляны. Также евреям это стало ясно. Теперь уже никто больше не верил в переселение. Перед тем как евреи были загнаны в оцепленную нами лощину, они, насколько я помню, должны были сдать их ценности. Для этого стояли несколько столов, за которыми сидели люди в коричневой форме. Когда первые евреи пришли в лощину, их через шпалеру погнали в ямы. Перед этим евреи должны были догола раздеться. Сразу начались расстрелы. Я стоял примерно в 70 метрах от ямы. Перед этим я с близкого расстояния рассмотрел одну из ям. Яма была 4-5 метров глубиной, 10 метров длиной и 8 метров шириной. С моего места я мог наблюдать, как евреи рядами по четыре выгонялись из лощины. Они должны были взбираться на холм и оттуда направлялись в ямы. Ямы с одной стороны были сглажены, так что евреи могли в них соскальзывать. Расстрелы начались примерно в полдень (примерно в 13-14.00). С моего места я мог только видеть, как евреи исчезали в яме, и вскоре после этого я слышал выстрелы из пистолета. Через некоторое время яма заполнилась, и с моего места я мог наблюдать, как евреи должны были ложиться на другие трупы и затем стрелки убивали их выстрелом в затылок. Стреляли до темноты и к этому времени примерно 4-5 ям были заполнены трупами до краев. По моей оценке, в лощине еще было примерно 6000 евреев. Эти евреи были оставлены. Я с моим отделением был смнен в оцеплении, и мы направились на место расквартирования в Ровно. Другие члены полубатальона, а также 320-го полицейского батальона остались на ночь на месте казни. Далее, на месте казни для оцепления была использована украинская милиция. У меня тогда сложилось впечатление, что члены украинской милиции в этот день, когда подгоняли евреев, проявили особую жестокость.

На следующий день я вновь с моим отделением по приказу пошел на место казни. Туда я прибыл около 16.00. Я увидел, что уже все ямы

до краев заполнены трупами. В лощине еще находились округленно 1000 евреев. Мой командир отделения дал мне специальное задание охранять деньги, отобраанные у евреев. Деньги лежали в двух очень больших дорожных чемоданах, которые были открыты. Деньги были только бумажными деньгами различного достоинства. Украинская милиция должна была обыскать сложенную одежду евреев в поисках ценностей и денег. Бумажные деньги она складывала в охраняемые мною чемоданы, а золотые и ценные предметы – на столы, за которыми сидели немцы в коричневой форме. Насколько я помню, там стояли 3-4 стола, которые были заняты 3-4 людьми в коричневой форме. Насколько сильно коричневые партийные чиновники интересовались ценностями, я мог ясно видеть. Так как, о чем уже упомянуто, все ямы до краев были заполнены трупами, оставшиеся примерно 1000 евреев были расстреляны в лощине. Погода в этот день была по-зимнему холодной. Попеременно срывались дождь и снег. Земля сильно размокла. Я видел, как евреи должны были ложиться лицом в грязь, и затем их расстреливали. В одном ряду лежали примерно 20 евреев. Стрелки шли вдоль окончания ног и стреляли в жертв. Также в лощине евреи голыми должны были ложиться на уже расстрелянных евреев. Их убивали таким же способом.

Незадолго до наступления темноты все евреи были убиты. По моему мнению, в ходе этой акции были убиты около 18 000 евреев. Два дня после акции члены моего полубатальона назначались в качестве ночного караула у массовых могил. Также я стоял там одну ночь. Нашей задачей было отгонять от могил мародеров. Из могил еще доносились стоны некоторых жертв. Я также мог наблюдать, как из могилы высунулась рука и подвигалась. Некоторые жертвы явно были еще живы. Это было ужасное зрелище.

Для оцепления места казни, насколько я помню, был назначен главным образом наш полубатальон. Из 320-го полицейского батальона, по моему мнению, присутствовали только офицеры и унтер-офицеры. Другие полицейские подразделения я не видел. Я не видел, что полицейские чиновники были назначены для расстрелов. По моему мнению, стрелки были выделены только СД. Последнее мне известно, правда, только по слухам. Во время расстрелов стрелки носили тиковые

комбинезоны, которые после казней были полностью покрыты кровью. Поэтому нельзя было определить, какую форму носили стрелки.

Во время казни имели место отдельные попытки вырваться. Беглецы при этом были застрелены и притом оцеплением. В одном случае убегающий еврей близ меня был застрелен одним постовым. Это было вечером первого дня. Имя стрелка мне не известно. Я также не могу сказать, в какое подразделение входил этот стрелок. Я также не могу сказать, под чьим руководством производились расстрелы евреев.

Охраняемые мною чемоданы с деньгами я оставил на месте. Куда они потом делись, я не знаю. Одежда евреев, а также багаж были доставлены в синагогу в Ровно. Там мы должны были еще несколько недель выставлять часовых. Куда было доставлено имущество из Ровно, я не знаю [...].

Barch B 162/2896, Bl. 3416–3419.

¹ Гельмут Линке (Helmut Lincke) был адъютантом командира 320-го полицейского батальона.

² Карабин системы Маузера образца 1898 года, модификация 1935 года, состоявший на вооружении Вермахта на протяжении Второй мировой войны.

* * *

Документ № 18

Из показаний в качестве свидетеля 29 июня 1961 г. следственным органам ФРГ бывшего члена 4-го взвода роты «Остланд» Харальда Флорелла

[...] Примерно в конце ноября – начале ноября 1941 г. мы прибыли в Ровно. Мы, прибалтийские немцы, остались в Ровно, в то время как эстонцы отправились в Киев. Я еще помню, что теперь мы назывались ротой «Остланд». В нашей роте «Остланд» в Ровно было около 300 человек. В Ровно в нашу роту «Остланд» в качестве инструкторов

были направлены немецкие офицеры и унтер-офицеры [...]. После того как мы были в Ровно несколько дней, вся рота должна была построиться во дворе казармы, так как нас захотел поприветствовать генерал фон Ёльхафен. Он среди прочего дословно заявил: «Вы прибыли сюда, чтобы облегчить фюреру тяжелую работу. Завтра здесь должны быть расстреляны 17 000 евреев». Перед обращением к нам он нас приветствовал словами «Хайль Гитлер». Что генерал фон Ёльхафен обратился к нам с вышеуказанными словами, я знаю совершенно точно. Мне от этих слов прямо мороз пробежал по коже. Моей первой мыслью было, как бы мне увильнуть от этого дела. Приветствие генерала фон Ёльхафена было во второй половине дня, но это могло быть и в первой половине дня. Примерно через час после приветствия стали искать добровольцев, которые за Ровно должны охранять русских военнопленных во время рытья массовых могил. Я с другими товарищами добровольно вызвался на это, так как я видел в этом единственную возможность избежать участия в запланированных расстрелах. Затем на грузовике я с несколькими товарищами поехал из Ровно. Мы ехали только несколько километров и приехали на холмистую местность, где кучей стояли русские военнопленные. У пленных был шанцевый инструмент. Мне кажется, их охраняли военнослужащие Вермахта. Военнослужащие Вермахта также распределили пленных на упомянутой местности для работы. После того как распределение было произведено, военнослужащие Вермахта ушли. Теперь мы, прибалтийские немцы, должны надзирать за русскими во время работы. Насколько я помню, ни с нашей стороны, ни с немецкой офицера во время этих шанцевых работ не было. Я думаю, что примерно 20 человек из нас охраняли пленных во время этой работы. Насколько я помню, работы шли у 10 ям. Близ ям был свекловичный кагат. Военнопленные были очень истощены, то есть почти умирали с голоду, и с моего разрешения взяли из свекловичного кагата несколько свекл. Неожиданно на месте появился офицер СС и справился об охране. Я представился и после этого он стал на меня кричать. Он был не согласен с тем, что почти умирающие с голоду пленные получили свеклу. Пленные это сразу заметили и стали быстрее работать. У офицера СС была палка около метра длиной, и он этой палкой стал бить пленных, работающих в ямах, которых он раньше видел со

свеклой. При этом он по-русски кричал: «работать, работать» [...]. Я уже не могу вспомнить, было ли начато рытье могил к тому времени, когда я пришел. Могилы копались всю ночь под нашим надзором. Место работы было ярко освещено. Инциденты во время работы места не имели. На всю акцию давили сроки, и я еще знаю, что на следующее утро могилы еще не имели нужную глубину [...]. Когда мне говорят, что пленные после окончания работ были расстреляны на месте, то я не могу дать об этом никаких сведений. Я также ничего не слышал об этом.

На следующее утро я от ям на велосипеде поехал назад на место расквартирования. Некоторые другие товарищи также поехали назад на велосипедах, в то время как другая часть моих товарищей поехала от ям на место расквартирования на грузовике [...]. Я еще хорошо помню, что когда я ехал на велосипеде от ям на место расквартирования, я увидел длинную колонну евреев, которая шла мне навстречу и двигалась в направлении ям [...]. Так как я в течение ночи охранял русских во время шанцевых работ, мне на следующий день не дали никаких заданий [...]. На следующий день, то есть на второй день акции, у меня заболел желудок и я явился к врачу, который приписал мне пилюли [...].

Barch B 162/2909, Bl. 6540–6544.

* * *

Документ № 19

Из показаний в качестве свидетеля 11 апреля 1963 г. следственным органам ФРГ бывшего полицейского роты «Остланд» Лео Шиллинга

[...] Спустя некоторое время отделение, в которое я входил, рано утром получило приказ отправиться в город. Там отделение было назначено для оцепления части улицы. При этом нам было сообщено, что проживающие в Ровно евреи должны быть переселены. Более подробные сведения, например, о месте переселения, даны не были.

Я с остальными членами моего отделения находился в оцеплении части улицы примерно до середины дня – во всяком случае, пару часов [...]. Примерно в середине дня мы вернулись на наше место расквартирования и в последующее время к акции больше не привлекались [...].

Спустя несколько дней отделение, в которое я входил, получило приказ за Ровно на открытой местности охранять большую кучу имущества. Насколько я помню, имущество, которое мы охраняли, состояло из мешков, чемоданов и коробок. Когда мы вещи увидели, мы сразу заподозрили, что речь идет об имуществе убитых евреев. Насколько я помню, в течение ночи все отделение было назначено для охраны вещей. Отделением руководил обервахтмейстер Маркау. Мы стояли на посту примерно в 30 метрах от вещей. Нашим заданием было не допустить кражу вещей. Уже перед выступлением нам было приказано применять против грабителей оружие. Я уже не помню, кто отдал приказ. Во время ночного караула сначала было спокойно. Под утро (было еще темно) примерно в 30 метрах от меня у вещей возник какой-то шум. В полумраке можно было наблюдать, как 10-15 человек возятся у имущества. Я и другие постовые крикнули этим людям, чтобы они стояли на месте. Мы крикнули: «Стой, стоять на месте». Эти люди сразу бросились прочь. Тогда постовые стали стрелять. Мы были вооружены югославскими или чешскими карабинами. Когда остальные постовые открыли огонь, я должен был свой карабин сначала зарядить и затем сделал один неприцельный выстрел; по моему мнению, пуля пролетела мимо головы убегающего украинца. Я не целился в беглецов. Я не могу сказать, целились ли в украинцев другие постовые. Я думаю, что нет. Я сам и, пожалуй, также другие постовые эти кражи трагически не воспринимали. По этой причине я не считал возможным за какие-то старые вещи застрелить человека. Мне при этом было безразлично, что приказ предписывал стрелять в грабителей. 10-15 украинцев бежали дальше и даже из-за выстрелов не стали останавливаться. Спустя некоторое время, примерно минут через десять, ко мне подошел украинец и заявил, что на некотором удалении лежит женщина. Маркау, я и еще несколько постовых пошли туда. Примерно в 300 метрах от нашего поста мы обнаружили женщину, лежащую на земле. Женщина была ранена в голову пулей, которая прошла по касательной. Женщина ни в

кчем случае не была мертвой. Она что-то бормотала. Возле женщины стояли несколько украинцев. Они заявили, что знают женщину, так как она из их деревни [...]. Украинцы заявили, что они хотят забрать женщину. Мы им это разрешили [...]. На следующее утро после смены караула Маркау доложил об этом инциденте командиру роты, который меня допросил и составил протокол. Замечу, что не только я был допрошен. Командир роты также запротоколировал сведения Маркау и показания остальных постовых [...].

Barch B 162/2922, Bl. 8853–8855.

* * *

Документ № 20

Из показаний в качестве свидетеля 11 сентября 1946 г. следственным органам ФРГ бывшего обервахтмейстера 2-й роты 315-го полицейского батальона Райнхольда Шмидтке

[...] Не помню числа, в ноябре 1941 г. нашему батальону был отдан приказ срочно собраться и выехать из г. Житомира в гор. Ровно для проведения операции. С получением приказа по распоряжению командира батальона майора Кляуса быстро собрались 1-я и 2-я роты, погрузились на автомашины и вечером прибыли в гор. Ровно. В то же время в Ровно прибыл 320-й полицейский батальон для проведения этой операции. Часов в 6 утра мы окружили весь гор. Ровно и этим самым закрыли все пути отхода из города. Часть полицейских с оружием в руках стояла на охране города, а остальные разбились на мелкие группы, ходили по домам и вылавливали в домах всех евреев. Выловленные евреи отводились на определенный сборный пункт на окраине города, откуда они конвоировались за город к месту расстрела. Я лично действовал в составе группы 3-х человек – я, Торсе Пауль и Мюллер Хайнрих, старшим группы был Мюллер. Во время этой операции мы трое в 5-6 домах выловили не менее 100 человек евреев, в том числе женщин, детей,

стариков и молодежь. Этих евреев мы отправляли на сборный пункт. Со сборного пункта я в числе многих других полицейских конвоировал евреев по несколько тысяч человек за город километров пять к месту расстрела. В 5 километрах за городом, между холмов, в небольшом лесу было назначено место расстрела всех евреев. Путь к месту расстрела был проложен через болота, холмы и леса, причем болота были плохо замерзшими; по такому пути мы конвоировали евреев несколько партий. Я помню, последнюю партию мы конвоировали тысяч в 11-12. При конвоировании этой партии в одном плохо замерзшем болоте засели 2 еврея – старик и старуха, которые не в состоянии были вылезти из этого болота, тогда я, вместо оказания им помощи, расстрелял их из своей винтовки в этом болоте. Расстрел евреев производила специальная команда 320-го полицейского батальона. Расстрелы производились следующим образом. Всех выловленных евреев мы сводили между холмов в поле около небольшого леса, а в лесу были ранее подготовлены большие ямы. Около ямы стояла боевая группа полицейских, мы брали с поля евреев, заводили их партиями в ямы, затем боевая группа полицейских расстреливала. Таким образом, при этих расстрелах я выполнял должность конвоира. В одну яму набивали евреев по несколько тысяч. Одну яму наполним, переходим к другой – таким образом заполнили 4 ямы. Сначала евреев расстреливали в одежде, а затем поступил приказ расстреливать голых, тогда мы не доводили евреев до ямы, раздевали их наголо и тогда заводили в ямы. 4 ямы заполнили трупами евреев, ям не хватало, а евреев, еще не расстрелянных, было много. На скатах холмов было много разных траншей и окопов, тогда дали приказ: расстреливать в этих траншеях и окопах. Таким образом заполнили трупами все имеющиеся траншеи и окопы. Но не расстрелянных евреев еще было много, тогда дали приказ расстреливать на месте. В один день расстрелять всех евреев не успели, тогда несколько тысяч евреев без одежды в мороз ночевали в открытом поле. В течение ночи я и другие полицейские охраняли евреев в поле. На 2-й день рано утром начали их расстреливать. Когда расстреливали остатки евреев, в это же время небольшими партиями приводили евреев из города – тех, которых в один день не успели выловить. В ходе этой операции всех евреев из города выловили и расстреляли. Нужно отметить, что часть евреев погибла в болотах и замерзла

ночью в поле, в особенности дети. Сколько десятков тысяч евреев было уничтожено в ходе этой операции – никто не интересовался тем, чтобы подсчитать количество убитых и замерзших. В ходе этой операции я лично с двумя полицейскими выловил из 5-6 домов примерно 100 человек, расстрелял лично сам двух человек, а остальное время конвоировал евреев к месту расстрела. Сколько тысяч было мною отконвоировано – этим я не интересовался. Какая это была операция – прямо один ужас, вся эта операция в течение ряда дней сопровождалась шумом, криком, ревом и оружейными залпами. После окончания операции командир нашей роты Краинш¹ построил весь личный состав роты, произнес небольшую речь, а затем приказал всем выбросить все вещи, которые мы брали в домах при вылавливании в домах евреев, что нами и было сделано. После этого мы погрузились на автомашины и поехали обратно в г. Житомир [...].

Barch B 162/9886, Bl. 793–795.

¹ Правильно: Кранайс (Kraaneis). Эмиль Кранайс в то время исполнял обязанности командира 2-й роты.

* * *

Документ № 21

Из показаний в качестве свидетеля 8 сентября 1946 г. следственным органам ФРГ бывшего полицейского 2-й роты 315-го полицейского батальона Гельмута Либе

[...] В Ровенской операции участвовал весь личный состав 315-го полицейского батальона за исключением нескольких полицейских 3-й роты, оставшихся в Житомире охранять управление штаба и склады. На Ровенскую операцию мы ездили на грузовых автомашинах. Мы выехали из Житомира в середине дня, а вечером были

уже в г. Ровно. Это было в начале ноября месяца 1941 г., числа не помню. Ночью часть нашего и других полицейских батальонов оцепила город, а остальная часть находилась в боевой готовности. В эту ночь мы не спали. В день нашего прибытия в гор. Ровно евреям были разосланы повестки, в которых всем евреям, находившимся в городе, предлагалось на следующий день собраться на большой площади (названия ее не помню). В этих повестках было написано, что евреи будут переселяться в другой город и им предлагалось взять с собой на несколько дней питание, белье и т. п. На следующий день, в 6 часов утра, на этой площади собралось несколько тысяч евреев, но не все. Тогда мы получили приказ обыскивать все дома и обнаруженных там евреев конвоировать на указанную площадь [...]. Я в составе группы из 4-х полицейских, вахтмейстеров Маергофа, Пятка и еще одного (фамилии не помню), получил приказ от ком. отделения Матмюллера обыскать дома с одной стороны малого переулка и всех обнаруженных там евреев конвоировать на площадь. Когда мы пришли в этот переулок, евреи собрались уже в переулке напротив своих домов. Мы обыскали эти дома, но в домах никого не обнаружили. После проверки домов мы собрали всех евреев, находившихся в переулке, и направились с ними на сборный пункт. Сколько евреев находилось в сопровождаемой нами колонне, я не знаю, может быть, несколько сот, тысяча или больше человек. В 7 часов 30 мин. было построено начало большой колонны, с обеих сторон и спереди оцепленной полицейскими. Полицейские нашего батальона повели эту колонну за город. Из оставшихся евреев быстро выстраивались новые ряды и присоединялись к уходившим, так что получилась одна сплошная большая колонна. До 11 часов были построены все евреи, находившиеся на площади, в большую колонну, которую постепенно оцепляли полицейские и сопровождали на одну полянку, расположенную в лесу в 4 км от гор. Ровно. Я лично сопровождал конец этой колонны. Мы шли по левой и правой сторонам дороги, на расстоянии 5-6 метров один от другого. Прибыв на полянку, я был включен в оцепление находившихся там евреев; вся полянка была оцеплена полицейскими нашего и других полицейских батальонов. С полянки через лес и небольшое болото был

выстроен так называемый коридор из полицейских, по которому евреи шли на луг, где их расстреливали полицейские 320-го полицейского батальона. Расстрелы производились сначала в 4 больших ямах, приготовленных для этого по приказанию 320-го полицейского батальона. Каждый еврей был вынужден раздеться наголо, влезть в яму, лечь на трупы уже мертвых евреев и тогда был из пистолета расстрелян. Когда все 4 ямы были заполнены трупами, был издан приказ расстреливать в окопах, находившихся на возвышенности под лесом. Постепенно трупами евреев были заполнены все окопы. Оставшиеся евреи были расстреляны на лугу и так брошены. В течение первого дня мы не успели расстрелять всех евреев, так что на следующий день, приблизительно до 11 часов были расстреляны остальные 4-5 тысяч человек. Они ночевали на полянке в лесу под открытым небом. Ночью падал снег, и было очень холодно. На следующий день все маленькие дети оказались замерзшими насмерть [...]. После операции командир 2-й роты старший лейтенант Крайнайс выстроил нас и приказал сдать все вещи, взятые нами у евреев, потому что все это является государственным имуществом, затем мы уехали в Житомир [...].

Barch B 162/9887, Bl. 848–851.

* * *

Документ № 22

Из показаний в качестве свидетеля 6 декабря 1960 г. следственным органам ФРГ бывшего члена команды СД в Ровно обершарфюрера СС Карла Вебера

[...] Примерно в начале ноября 1941 г. из моего ведомства я мог наблюдать, как мимо нашего ведомства проходит бесконечная колонна евреев и покидает город в восточном направлении. Их сопровождали полицейские. Я также видел, что евреев сопровождают члены партии в коричневой форме. У евреев всегда был багаж. Это

были женщины, дети, мужчины и старики. Также Линк наблюдал из ведомства происходившее на улице. Линк сказал мне, что он хочет увидеть, что произойдет с евреями. Одновременно он потребовал, чтобы я пошел с ним. Я с Линком последовал за колонной евреев. Пройдя несколько километров от Ровно, колонна покинула дорогу и повернула налево на отлогую холмистую местность. Отчасти эта местность была засажена лесом. Мы шли в конце колонны евреев, естественно, на расстоянии. Когда мы с Линком пришли на местность, мы уже слышали пистолетные выстрелы. Когда мы подошли поближе, мы с расстояния примерно 150 метров увидели, как охранная полиция отводила евреев в ямы. В яме члены охранной полиции расстреливали евреев. Ямы были очень большими. С моего места у меня сложилось впечатление, что местом расстрела была большая естественная лощина, которая дополнительно была углублена. По моему мнению, евреи были одеты. Но абсолютно точно я это сказать не могу. Я ведь находился примерно в 150 метрах от места расстрела и не мог сделать точные наблюдения. Но абсолютно точным является мое утверждение, что евреев расстреливали полицейские. Зеленую форму я мог в яме отчетливо распознать. Один из стрелков снял мундир и закатал рукава рубашки или стрелял в одной рубашке. Членов СД я на месте расстрела не видел. Там были только Линк и я. Насколько я помню, с нами были еще один или два человека из нашего ведомства. Мы стояли все вместе и только наблюдали. Мы наблюдали примерно 15–30 минут и затем Линк сказал нам: «Пошли, мы уходим, пусть они сами занимаются этим дерьмом». Затем мы пешком вернулись на наши квартиры [...].

Barch B 162/2900, Bl. 4138–4139.

* * *

Документ № 23

**Из показаний в качестве свидетеля 22 февраля 1961 г.
следственным органам ФРГ бывшего члена команды СД
в Ровно штурммана СС Юлиуса Тинеля**

[...] Сразу после моего прибытия в Ровно (в октябре 1941 г. – *Публ.*) я был назначен на кухню и также заведовал буфетом [...]. Через несколько недель пребывания в Ровно я получил указание подготовить для членов ведомства холодную пищу, так как они должны быть задействованы во время акции против евреев [...]. Примерно через два дня после получения приказа о подготовке холодной пищи я из ведомства (буфет) наблюдал, как евреи с ручным багажом идут из города и притом по дороге на Киев. Евреи шли из города в колоннах и сопровождались полицейскими. Члены ведомства под руководством штурмбаннфюрера Линга уже рано утром выехали на наших машинах, после того как они получили у меня холодную пищу. Перед этой акцией в Ровно были расклеены плакаты, которые объявляли о переселении евреев. Перед акцией я еще точно не знал, что евреи должны быть расстреляны. Говорили о том, что евреи будут отправлены в концлагерь Аушвиц. Также Линг не был информирован, что запланирован расстрел евреев. Под вечер часть убывших членов ведомства вернулась в буфет. С ними также были члены охранной полиции. Люди были подавлены и на их форме были следы крови. Теперь я узнал, что евреи были расстреляны. Подробностей в этот момент я не знал, так как люди об этом не распространялись. Люди ели мало, но выпили много пива и шнапса. Спустя некоторое время люди снова уехали, и в буфет пришла другая группа членов ведомства. Буфет был открыт всю ночь, и постоянно приходили члены СД и охранной полиции, которые в первую очередь пили много пива и шнапса. Я не выдавал шнапса, чтобы они взяли его с собой на место события. Кроме того, я не видел, чтобы люди были слишком пьяны. Я также не помню, выезжали ли члены ведомства на второй день. Линг в течение ночи также один раз был в буфете. Он выглядел совершенно сумасшедшим [...].

Barch B 162/2904, Bl. 4775–4776.

* * *

Документ № 24**Из показаний в качестве свидетеля 8 февраля 1961 г.
следственным органам ФРГ бывшего члена команды СД
в Ровно штурммана СС Ганса Нендзы**

[...] Об акции против евреев в Ровно я знаю из разговоров. Юлиус Тинель рассказал мне, что он во время крупной акции против евреев, которые были расстреляны за Ровно, находился в оцеплении. Я сам в день этой акции видел, как евреи покидали Ровно длинной колонной и притом по главной улице на Киев. Колонны евреев шли прямо мимо моего ведомства. Слева и справа колонны шупо образовывали шпалеру. Какие члены ведомства, кроме Тинеля, участвовали в этой акции, я сказать не могу. Какие-либо подробности о ее осуществлении и притом об осуществлении казней Тинель мне не рассказал. Он мне только заявил, что все было очень ужасно. Далее, он мне еще сказал, что видел на месте события шефа [...].

Barch B 162/2904, Bl. 4716–4717.

* * *

Документ № 25**Из приговора 1-го сената по уголовным делам окружного суда
Потсдам от 11 июня 1959 г. по делу бывшего военнослужащего
батальона земельных стрелков Фридриха Бергемана**

[...] Примерно через 14 дней после его прибытия [в Ровно] командир взвода подразделения спросил, кто из батальона ландшутца добровольно хочет участвовать в расстреле евреев. Из роты обвиняемого вызвались 3-4 человека, в том числе обвиняемый [...]. В тот день,

когда обвиняемый добровольно вошел в состав расстрельной команды, они получили дневной паек и затем были отправлены на место, которое находилось в 2 км от Ровно. Там они должны были построиться в 20-30 метрах от свежевыкопанной ямы. Яма была примерно 4 метра глубиной, 20-30 метров длиной и примерно 4 метра шириной. Вскоре пришла первая колонна из примерно 100 евреев. Среди них находились женщины, мужчины всех возрастов, также среди них находились младенцы и маленькие дети, которых матери несли или вели. Перед тем как они были пригнаны к яме, эти люди должны были полностью раздеться. Затем они должны были стать на краю ямы и расстрельная команда, в том числе обвиняемый, открыла по ним беспорядочный огонь. Обвиняемый израсходовал примерно 60 патронов к карабину. При этом речь шла о прицельных выстрелах, то есть обвиняемый стрелял по еврейским гражданам. Всякий раз фашистская полиция пригоняла на край ямы евреев колоннами примерно по 100 человек, и расстрельная команда затем убивала евреев выстрелами из карабинов. Тех людей, которые из страха прыгали в яму живыми или падали в яму только ранеными, а не убитыми, полицейское подразделение также убивало из автоматов. Обвиняемый участвовал в расстреле трех вышеназванных колонн. Затем он, согласно его показаниям, будучи больше не в состоянии выносить запах крови, отправился в находящийся поблизости барак [...].

DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung Ostdeutscher Strafurteile wegen Nationalsozialistischer Tötungsverbrechen, Band III, bearbeitet im Seminarium voor Strafrecht en Strafrechtspleging Van Hame der Universit t Amsterdam von Prof. Dr. C. F. R ter unter Mitwirkung von L. Hekelaar Gombert un Dr. D. W. de Mildt, Amstedeam University Press, K.G. Saur Verlag M nchen, 2003 (Lfd. № 1093a).

*Введение, перевод, публикация и
комментарии Александра Круглова*